

Демония

ПОЧЕМУ МЕСТНАЯ ЭЛИТА НЕНАВИДИТ РУССКИХ

Гуннар Пярн

Эстония

почему местная элита
ненавидит русских

ТАЛЛИН

2018

Данная книга является полемическим монологом и основана на фактах, изложенных в книгах историка Марта Лаара «История Эстонии с птичьего полёта» и «Эстония во Второй мировой войне». Посвящается эстонцам, погибшим в борьбе с фашизмом.

Основное устремление современных авторов, описывающих историю Эстонии («историков»), это желание заявить, что исторические и этнические корни эстонского народа связаны с Западом или с западной «цивилизацией», а не с «Востоком», под которым они подразумевают Российскую Федерацию. Запад понимается историками как общность, состоящая из нескольких стран, которые находятся в Западной Европе.

До сих пор считалось, что эстонцы происходят от финно-угорских народов (культура керамики с гребневым орнаментом), переселившихся на территорию современной Эстонии из региона Уральских гор примерно 4 000 лет назад. Финно-угры имеют с русскими общие индоевропейские корни. Однако современными эстонскими «историками» это признаётся достоверным только в части происхождения языка эстонцев — *эстонского языка*, — который входит в финно-угорскую языковую группу. В отношении же *этнического* происхождения делаются неоднократные попытки убедить эстонцев в том, что они происходят от племён, проживавших на юго-западе Европы. «Историки» ссылаются на так называемую «кундовскую культуру», получившую своё название от эстонской деревни с названием Кунда, а также культуру «каменных топоров», представители которой проживали на территории Эстонии около 2000 лет до н. э.

По мнению «историков», ссылки на эти факты должны указывать на давно возникшее *этническое*

отличие между эстонцами и славянскими племенами, одним из представителей которых являлось племя «рось», от которого, вероятно, и произошло слово «русский».

Установив таким образом этнические различия, современные авторы пытаются подчёркивать изначальное проявление *большей агрессивности восточных соседей* по отношению к эстонцам по сравнению с народами, проживавшими на Западе со времен раннего Средневековья. О стремлении восточных соседей развязывать войны против чуди (эстов) якобы свидетельствует тот факт, что древние эсты строили больше укреплённых пунктов, или городищ, *на восточных границах*, чем на западных.

При этом, повествуя о фактах захватнических набегов и грабежей эстов, или о проявляемой ими при таких набегах жестокости в отношении соседних племён, проживавших на территории нынешней Швеции и Дании, они, «историки», не рассматривают такие деяния, как подлежащие осуждению. Тон повествования о таких набегах позволяет сделать вывод о том, что авторы, их описывающие, не находят в них ничего предосудительного. Таким образом, агрессия со стороны предков эстов не осуждается и в какой-то степени *рассматривается в качестве шалости или оплошности, заслуживающих прощения*. При этом агрессия соседей подвергается осуждению. Возникает вопрос о необъективности и предвзятости.

Поскольку, исторически достоверным признан, например, факт захвата и уничтожения эстами-язычниками в 1187 году тогдашней столицы Швеции, города Сигтуны. Это свидетельствует о достаточной воинственности эстов, которые, *проявляя агрессию в отношении своих соседей, не всегда были только невинными жертвами*.

Об истории и культуре эстонцев до 1219 года достоверно мало что известно. Основная информация может быть почерпнута только из упоминаний об этой земле и населявших её племенах чуди в исторических хрониках, ведшихся иностранцами. Невозможно даже определить происхождение названия главного населённого пункта эстов — городища (территория, окружённая деревянным частоколом), названного в иностранных хрониках «Линданисе» (на этом месте сегодня находится столица современной Эстонии, город Таллин). Впервые это название появилось в немецкой «Хронике Ливонии».

Наименование «Линданисе» принято считать заимствованным из древне-шведского языка. Таким образом, версия «историков» о том, что название «Линданисе» переводится как «грудь (nisa) Линды», супруги легендарного героя эстов, Калева, возникшая во времена национального романтизма, то есть относящаяся ко второй половине XIX века, *не имеет реального основания*. Во-первых, народной поэзии эстов не известен образ Линды. Во-вторых, это женское имя было заимствовано у германцев. Ближе к истине может быть версия о сходстве названия «Линданисе» с древнерусским «леденец». Однако это название, упомянутое в русских хрониках, считается произошедшим от древнешведского «линданяс».

Другое название городища, Колывань, также принятое на Руси, не может быть связано с именем «Калевипоэг» (сын мифического героя эстов Калева и Линды). Само слово *kaleva* в эстонском языке означало нечто прочное и сильное. И, возможно, отражало впечатление русских от внешнего вида городища. Ещё одно название города Ревель, принятое у русских уже позднее, в XVI веке, происходит от заимствованного шведами нижненемецкого слова *reval*, которое, в свою

очередь, происходит от названия местности вокруг городища эстов. Таким образом, ни одно название будущей столицы Эстонии не было *исконным, данным самими эстами*, а происходило от сторонних «наблюдателей».

В «Хронике Ливонии» городище после его захвата датчанами в 1219 году значилось как *Castrum Danorum*, («крепость датчан»). И действительно в 1219 году деревянное городище эстов было датчанами снесено и ими же сооружено новое строение. На эстонском языке «крепость датчан» стала звучать *Tanin Linda*. Это созвучие очень понравилось эстам, отсюда, возможно и возникло *Taanilinna*. Немцы, соперники датчан, не называли захваченное городище *Taanilinna*, а предпочитали собственное название, *Raevelburgh*. Только в 1925 году название *Tallinna* (то есть всё то же, «крепость датчан») было утверждено официально. *Таким образом, до прихода оккупантов с Запада племена эстов так и не осуществили самоидентификацию даже на уровне названий центральных пунктов на территории расселения. Что уже говорит о несамостоятельности и отсутствии собственной государственности, как она понималась соседями эстов.*

По сути, собственная история до 1219 года эстами *не отслеживалась*. Она стала описываться только первыми оккупантами летом 1219 года, когда официальный летописец немецкого рыцарского Ордена меченосцев, священник Генрих зафиксировал захват городища, дав ему собственное название «Линданисе». По утверждению арабского географа аль-Идриси, побывавшего в землях эстов в XII веке до захвата их датчанами, городище не было даже круглогодично заселено. То есть оно могло быть рассмотрено датчанами в качестве как бы *ничьего, если бы они прибывали туда* в определённые месяцы в году, в отсутствие его обитателей.

Эсты жили в сельской местности, и им ни к чему было иметь такие «изысканные» виды ремесла, как изготовление парадного вооружения или изделий из драгоценных металлов в виде зерни, перегородчатой эмали или ниелло, которые были известны в Скандинавии, да и на Руси к тому времени. Городище было частью *общинной собственности* окрестных деревень, а косы, вилы и серпы, которые производились местными ремесленниками и которыми позднее были встречены датчане, выковывались в достаточном количестве.

Видимо, *отсутствием* острой тяги к частной собственности и объясняется замедленная реакция эстов на захват их городища «Линданисе» датчанами в 1217 году. Только через три дня, осознав, что не только собственность, но и свобода находятся под угрозой, эсты дали вооружённый отпор датчанам. Забыв про дары датского короля Вольдемара II, которые он преподнес старейшинам эстов, пытаясь их подкупить, рываласцы (обитатели земли Рывала) и харьюсцы (обитатели земли Харью) попытались использовать силу для изгнания датчан. Отпор не мог быть успешным из-за удивительной *разобщённости* родов в племени эстов. О чём говорит тот факт, что, например, даже приходы, составляющие округа земли Рывала, были территориально отделены друг от друга болотами и лесами и, следовательно, представители того или иного рода были друг от друга обособлены не только географически, но и психологически.

Разобщённость эта стала проявляться в меньшей степени только с приходом датчан, на присутствие которых надо было как-то реагировать. Посовещавшись с соседями, объединяя, если необходимо, сельские общины в различные формы союзов (союз земли Рывала и Харью) против датчан, эсты перешли к сопротивлению.

Эстонцы, в силу своей *удалённости* от европейских центров католицизма, дольше всего оставались язычниками *в отличие* от других европейских народов. Они дольше всего оставались «восторженными романтиками» по сравнению с другими европейцами, напоминая в чем-то славян. К слову сказать, славяне, как и чудь (эсты), всегда вызывали серьёзную «озабоченность» со стороны Западных «цивилизаторов». Подъём экономики Руси в X-XII веках и рост её экономической и, как следствие, политической активности, подталкивали Запад к агрессии против язычников-эстов с целью *недопущения* влияния на них русских (славян). Эсты интересовали Запад не только с *точки зрения экономического, но и духовного порабощения*.

Не собираясь долго терпеть такое положение дел в отношении религии эстов, религиозные и светские западные деятели поставили перед собой задачу с помощью военизированных католических орденов, таких, например, как Орден меченосцев, решительно и *насильственно обращать эстонцев в христианство*.

Для этой цели в порабощённой земле латышей в нынешней Риге (впоследствии главный город Ливонии) в начале XIII века, в 1201 году, немцами был обустроен *плацдарм для дальнейшего порабощения* восточных земель, в том числе и *земель эстов*. Отсюда через десять лет немецкие рыцари достигли территории Эстонии. Основной ударной силой назначенного папой епископа рижского Альберта из Бремена был Орден меченосцев, позднее присоединённый к более известному Тевтонскому ордену. Рыцари Тевтонского ордена совместно с опозоренными, изгнанными из Палестины крестоносцами грабили восточные земли, а добычу увозили в Германию. К их разбойничьему промыслу приобщилась часть покорённых ливов (литовцев) и леттов (латышей),

которые ради наживы встали на сторону рыцарей против соседей-эстов.

Единственными, кто поддерживал эстов с 1217 года, были дружины Новгорода и Пскова. Помощь, видимо, была небезуспешной, так как летом 1218 года епископ рижский Альберт, магистр Ордена меченосцев Волквин и заранее назначенный на должность епископа ещё не покорённой чуди (какая наглость!) Теодорих (впоследствии в 1219 году убитый эстами) прибывают в Данию к Вольдемару II, королю датчан, с просьбой о военной помощи. Вольдемар был не прочь поживиться. Это его намерение было благословлено папой римским Гонорием III, передававшим своей буллой (вердиктом) от 9 октября 1218 года королю Дании все земли (какая беспардонность!), которые впоследствии *были бы* завоеваны в Эстонии.

Но земли это всего лишь земли, а неплохо бы позаботиться и о заблудших душах язычников. В 1220 году, практически сразу же после захвата городища Линданисе, между датчанами и меченосцами был заключён союз по борьбе с язычниками, а наместник Вольдемара II, архиепископ Лундский, «учёный муж», выпускник университетов Болоньи и Оксфорда, увлечённый стихосложением на латыни, варварски *разорял чуди* и крестил язычников мечом, убивая.

Действия Запада по насильственной христианизации с целью распространения своего влияния не вызывают *особых протестов* у «историков». Однако аналогичные попытки христианской Руси в лице Ярослава Мудрого в 1030 году распространить своё влияние на соседей, что было обычным делом в политической жизни со времён возникновения первых государств, *воспринимаются с нескрываемым раздражением. Ненависть к России советской, а затем и к России современной проецируется на события*

тысячелетней давности, тем самым делается попытка представить такую ненависть как чувство, корнящееся в эстах с давних времён.

А в реальности эпоха *порабощения* языческой Эстонии *Западом* начинается с 1202 года и продлится в течение пятисот лет. Вначале порабощение осуществляет Орден меченосцев, а позднее Дания и Швеция. По аналогии с крестовым походом в Палестину папа римский провозглашает начало крестового похода в Прибалтику, дабы принести варварам светоч «истинной» веры. В Эстонии появляются первые вооружённые наёмники, крестом и мечом насаждая христианство, имея значительный опыт таких действий в Палестине.

Эстонцы встретили «крестоносцев» ожесточённым сопротивлением и оказывали его в течение 20 лет. Однако они были окончательно сломлены превосходящими силами сначала крестоносцев, а затем и датчан в 1227 году. С подобострастным восторгом «историки» рассказывают легенду о датском красном стяге с белым крестом (так называемый Даннеброг), ставшем предзнаменованием победы датчан над эстами, который в самый решающий момент сражения якобы упал с неба на датского короля Вольдемара.

Создаётся впечатление, что порабощение эстонцев датчанами и их последующая христианизация в глазах «историков» были чуть ли не благом по сравнению с аналогичными планами папы римского, замышлявшего принести язычникам избавление от «рабства».

Действия датчан по насильственному экономическому и духовному подчинению ничем не отличаются от планов папы римского по продвижению на территорию Эстонии папского влияния. Однако противопоставление планов папы римского планам датчан

и немецких рыцарей, то есть планам по завоеванию Эстонии, должно создавать впечатление объективности. В реальности создаётся миф для обоснования последующего безусловного *неприятия* России в пользу Дании, потом Швеции и, наконец, Англии. Каждый последующий завоеватель из этого ряда стран (в том числе и Германия) становится неудобным, когда уступает более сильному. Россия из этого списка исключается. Другими словами, плох тот, кто не сумел осуществить своих планов по подчинению, кто не состоялся как завоеватель. Если бы папа римский смог осуществить свои планы, был бы хорош *он*, а не датчане. По логике всё тех же «историков» завоеватель всегда прав. По их мнению, владычество Дании, Швеции и Германии это меньшее из зол по *сравнению со злом*, которое несёт Россия.

Эта позиция будет неоднократно подспудно присутствовать в любых высказываниях о России. Лучше упасть в объятия агрессора, но своего, «западного», чем подружиться с соседом, но называемым Россией, или имеющим отношение к России. «Натиск с востока», якобы угрожающий национальному суверенитету и самобытности, для них *страшнее любой агрессии* «дружелюбного» Запада.

На фоне такого отношения к действительности *замалчивается* роль русских в четырёхнедельной осаде эстами в сентябре 1223 года новой крепости, построенной датчанами на месте городища Линданисе. Кроме северных эстов и сааремаасцев (племени с острова Сааремаа), в ней приняли участие и их союзники – новгородцы и псковитяне. Всего, по сообщению русской летописи, до 20 000 человек. Войсками руководили князь Ярослав, брат Владимиро-Суздальского князя Юрия Всеволодовича, и псковский князь Владимир. Приход русских на помощь совпал с вторжением на

Русь монголо-татар, что впоследствии *помешает русским* оказывать народам Восточной Прибалтики действенную помощь.

Судьбы народа решают элиты, и на каком-то этапе элита задумалась о сохранении своего статуса и *собственности*. Эстонская элита думала, что упасть в объятия «своего» агрессора это не страшно. Естественно, надеялись на снисходительность и лояльность, как всегда в случае «добровольной сдачи». Поначалу действительно всё выглядело безобидно и демократично. Получили ограниченное самоуправление и многообещающие посулы на будущее. Но потом ситуация резко изменилась: всё стало жестче и без реверансов. Ведь в этом суть политики Запада: *мягко стелют, жёстко спят*. Наконец, церемонии отброшены, маски сняты и вот свободолюбивые эсты в кабале, как изначально и планировалось. Да и гнёт двойной: своим дай и чужим дай.

Ущемление интересов эстонской элиты начало выражаться в том, что магистр Ордена меченосцев (которые не считались ни с верховной властью папы, ни с властью императора «Священной Римской империи германской нации») в 1230 году пригласил около двухсот купцов со шведского острова Готланд, которые впоследствии монополизировали внешнюю торговлю Эстляндии. И это в дополнение к самим немецким рыцарям.

Кроме того, в страну прибыли немецкие ремесленники, которые позже сформировали элиту средневековых ремесленных цехов, хотя там же иногда появлялись и онемеченные эстонцы. Но это скорее исключение из правил. Эстонские ремесленники, входившие в гильдию св. Олая, были отеснены на низшую ступень. В городах слуги и работники состояли преимущественно из эстонцев. Тогда же по *немецким*

лекалам, в соответствии с любекским городским правом был создан центральный орган городского самоуправления, который получил название магистрата.

Это переполнило чашу терпения простых эстонцев. Интересы элиты в данный и *редкий случай* совпали с интересами простого люда. Восстания просто так, сами по себе не возникают. Они являются результатом отрезвления и *некоторой части* элиты и её возмущения «своими» кураторами. Кроме того, гнёт на эстах (горожанах и крестьянах) был тройной: со стороны датских дворян, Ордена меченосцев, папских епископов и католических монастырей (ил. 1). Также не стоит забывать и об аппетитах зарождавшегося эстонского дворянства.

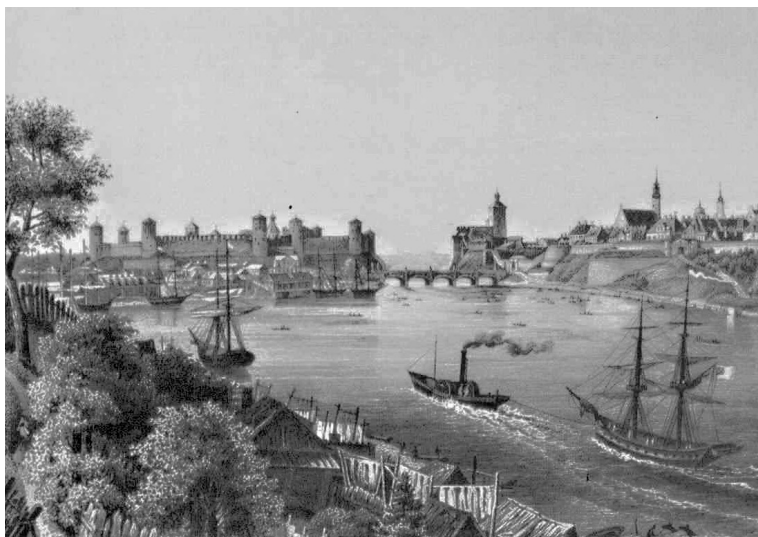
Восстание в Юрьеву ночь, произошедшее в 1343-1345гг., было жестоко подавлено *датчанами* и *Ливонским орденом*, то есть тем же немецким рыцарством.

Илл. 1. Разрушенный эстонскими крестьянами в ходе восстания Юрьевой ночи монастырь в Пади́зе.

Поменяли вывеску: Орден меченосцев заменили на Ливонский орден, который являлся «филиалом» Тевтонского ордена в Эстляндском герцогстве. Магистр Ливонского ордена 4 мая 1343 года заманил вождей восстания на переговоры и вероломно их умертвил. 14 мая основные силы восставших были разгромлены, однако восстание продолжалось. Помощь псковских ратей и сражение против войск Ливонского ордена у местечка Вастселийна недалеко от русско-эстонской границы, в 75 километрах от Пскова, произошедшее 1 июня 1343 года, облегчило положение эстонских крестьян, *отсрочив их экономическое закабаление и лишение личной свободы.*

Крестьяне становятся крепостными *по воле иностранцев*, и эстонская элита этому не могла противиться, так как в противном случае лишилась бы своего имущества ещё тогда, в XV веке. И это повторится

Илл. 2. Противостоянию в Эстонии Западом дан старт: Нарва против Ивангорода.

в истории не единожды: эстонская элита позволит лишать себя имущества не раз иностранным, но «своим» завоевателям, чтобы успокоить свою совесть. Таким образом, крепостничество было установлено не агрессором или оккупантом с востока, а «своими». Несмотря на очевидность произошедшего, «историки» всё равно впоследствии тесно увязывают крепостничество не с датчанами и шведами, а с российским царизмом. Но к роли *обвиняемого во всех грехах русского* читатель видимо уже привык, и это уже не кажется ему чем-то необычным.

Итак, свобода для эстонцев закончилась. Запад отводит Эстляндии роль восточного форпоста западной «цивилизации». Замок Германа на берегу реки Наровы с одной стороны и крепость русских в Ивангороде с другой, – противостоянию двух миров Западом дан старт (Илл.2). Сдерживать влияние русских и их возможное продвижение западнее реки Наровы, вот сверхзадача для Ливонского ордена.

Сначала сдерживание происходило в форме экономической. Таанилинна («крепость датчан») получает статус ганзейского города ввиду своего выгодного географического положения на берегах Финского залива. Ещё в 1248 году этот город стал функционировать по любекскому городскому праву. Магистрат Любека стал для его обитателей высшей апелляционной инстанцией по гражданским делам. Торговля с Русью через Новгород и Псков была чрезвычайно выгодна для Запада, но допускать Россию к Балтийскому морю и позволить русским купцам торговать Запад не желал. Любек от имени Ганзейского торгового союза *был вынужден* избрать Танилин для такой торговли.

Запад был раздосадован, дав возвыситься столице Эстляндии. Но корысть взяла над политическим

мотивом, даже несмотря на усиление влияния России в Эстонии. Запад всегда *закрывал глаза* на политические проблемы, когда дело касалось денег, надеясь отыграться в политическом плане впоследствии. Жажда наживы – первоочередная. Так, в общем, всегда и происходило. Торговля с Россией давала огромные доходы тем же немцам, которые были во главе Большой гильдии купцов и гильдии Св. Канута в столице Эстляндии. 22 февраля 1346 года Ганза ввела требование, что все товары, направляющиеся в Новгород, должны были складироваться в Таллине. Постепенно Таллинн стал уклоняться от войн, которые Ганзейский союз и Ливонский орден вели с Данией, Польшей, Нидерландами и Англией, так как *корысть элиты* толкала в объятия восточного соседа. Лавирование и поиск выгоды являются слабой стороной любой нации. Но, надо сказать, что это не порок целиком эстонской элиты, так как *экономическая политика определялась немцами*.

Иметь в Таллине подворье русских купцов для экспорта русских товаров было опасно для Запада, и его закрыли. В 1392 году, несмотря на значительные трения, Таллином был подписан договор с Новгородом, который предусматривал ведение торговли, даже если бы Новгород находился в состоянии войны с орденом или епископами: пушки пушками, а прибыль прибылью. Такой подход имел место во время Второй мировой войны, когда, например, корпорации США сотрудничали с Гитлером. Подумаешь, война, это же продолжение бизнеса...

Иногда нервы не выдерживали. Когда русские купцы везли товары по Балтике самостоятельно, их *просто грабили*. Послы ливонских городов в 1468 году прибыли в Новгород, и от них потребовали возмещения убытков. В ответ было закрыто купеческое

подворье, опечатана кирха и торговые связи прервались в очередной раз. Но ненадолго. Вскоре корысть опять взяла верх.

Оно и понятно: львиная доля пищевой соли, завозившаяся из Португалии и Франции в Ливонию и затем в Эстляндию, переправлялась в Новгород. Основная часть поступавших через Танилин тканей также направлялась в Россию.

Та же ситуация наблюдалась в отношении сельди и серебра. В Россию пытались продавать и цветные металлы и их сплавы (не как в наши дни, когда их гонят из России) – олово, медь и латунь. Но так как они могли быть использованы для производства огнестрельного оружия, Ливонский орден этому препятствовал. Запрет на вывоз металлов был введён в 1422 году. Однако таллинским купцам было наплевать. Некий ратман (должностное лицо магистрата) Г. Витте возил в Новгород уже *готовое* оружие, пряча его на дне бочек с сельдью. То же самое касалось запрета на вывоз из Ливонии зерна, введенного в 1437 году. Он также нарушался из корыстных побуждений.

Запад также не мог существовать без русского воска. Самым крупным его потребителем была католическая церковь. После Реформации общий спрос не снизился, но изменилась его структура. Появившаяся в результате церковной «реформы» зажиточная буржуазия удовлетворяла собственную жажду к богатству и роскоши. То же самое относится и к мехам. В 1391 году из Таллина было вывезено 66 000 беличьих шкурок (беличий мех считался самым ценным), при этом 44% всего сырья составлял мех из России. Освещение улиц западных городов производилось за счёт тюленьего жира или ворвани животных, умерщвленных в районе Белого моря в России. Лён и пенька также были российскими. Лён обычно гнали в Любек

(Германия), пеньку – в Нидерланды для оснастки колониального флота. *Всех этих русских можно ненавидеть хотя бы только за то, что они поставляли всё это. За то, что не могут обойтись без русских природных ресурсов.* К настоящему моменту ничего не изменилось: получают нефть, газ, лес. За это презирают.

Ненавидеть из зависти, это не оригинально. Но ничего не поделаешь, экономика заставляла скрепя сердце разговаривать с этими ненавистными русскими. Экономически сдерживать иногда сложнее, чем политически. Политически можно было изгаляться сколько угодно. Вариантов действий, предлогов, лицемерных подходов огромное количество, только знай себе высасывай из пальца. В крайнем случае, можно прибегнуть к войне как к форме продолжения политики.

«Историки» прославляют заслуги Эстонии в период её расцвета с 1280 по 1561 год, когда она входила в союз северо-немецких городов, так называемый Ганзейский союз. Связав расцвет с *фактом принадлежности* к этому союзу, всё те же «историки» совершенно умолчали о роли русских покупателей тех товаров, которые не производились в Эстонии, а шли из Европы в Россию *транзитом* через Эстляндию. (Мы, «неискушённые» русские, теперь живём в базарной экономике, и способны понимать правила «купи-продай»). По сути, *роль транзитного пункта* позволяла Эстонии *иметь вес*, с которым считались и Дания, и Польша, и Швеция. Но равных отношений с Россией Эстляндия не хотела, посчитав такую роль «надменного посредника» неизменной и в будущем. В этом был исторический просчёт.

Эстляндия как часть Ливонии, привлекала взоры Польши, Швеции, Дании, не считая Германии. С началом Ливонской войны (то есть война за раз-

дел Ливонии) элита должна была пойти на *естественный шаг* – союз с Россией, которая оставалась естественным партнёром элиты на протяжении почти 300 лет, *давая возможность* Эстонии процветать. Но когда в 1558 году русские войска подошли к стенам Таллина в попытке получить возможность вести торговлю на Балтийском море, элита пошла на сделку с совестью. Магистрат Таллина пресёк выступление горожан, утверждавших, что только «москвичи могут спасти бедную Ливонию».

21 июля 1558 года, после того как сдался Тарту, русский воевода П.И.Шуйский сделал таллинскому магистрату *выгодное предложение* о капитуляции. Магистрат его безосновательно отверг. Неприязнь к России была явной, причём распространялась она на всё, что имело славянскую природу. Выступая против любых союзов со славянами, эстонская элита, например, не хотела допустить унии с польско-литовскими силами.

Окончательно испугавшись успешного наступления русских осенью 1560 года, уже весной 1561 элита стала ориентироваться на шведов. Немцы в лице Ливонского ордена не оправдали надежд, и от их протекции решили отказаться. Может быть, Швеция воплотит надежды на независимость?

Порой ситуация была анекдотичной. В замке Тоомпеа в Таллине находился Олденбокум, наместник Ливонского ордена в Эстляндии, который не собирался сдавать город шведам. Глава посольства шведского короля Эрика XIV К. Хорн (Х. Хорн, его брат, в это время «обрабатывал» таллинский магистрат), отдал приказ немецким наёмникам подвергнуть Тоомпеа бомбардировке из катапульт. Забавно: в Эстляндии швед отдаёт приказ немецким наёмникам обстреливать замок, где засели немецкие рыцари.

«Историки» утверждают, что ориентация на шведов была избрана в связи с тем, что в Швеции крестьяне обладали личной свободой. Какую трогательную заботу о судьбе простого народа проявляет элита!.. Иллюзии по поводу личной свободы можно простить эстонским крестьянам. Однако стоит сказать, что и они в 1560 году громили мызы (усадебные) немцев в Ляэнемаа и вовсе не надеялись на шведского короля с его свободами, ни на собственную элиту. Горожане под предводительством разбойника Иво Шенкенберга били немецких рыцарей ради обещанной шведами личной свободы и обещали отдать свою землю «без единого удара меча» не без лукавства. Лишённый земельного участка, крестьянин не может быть свободным ни в Швеции, ни в Эстонии. Элита же обменивала политическую независимость на экономическую выгоду. Свобода для них – это возможность зарабатывания денег и сохранения привилегий, пусть и *ценой потери независимости*. Однако даже экономической свободы они в конечном счёте не получили, так как земля фактически не была в их владении, а шведы правом собственности делиться не собирались.

6 июня 1561 года магистрат и бюргерство присягают на верность шведскому королю, и Эстляндия *теряет* свою относительную *самостоятельность* окончательно, лишаясь бывшего политического значения. Торговля приходит в упадок, так как Эстония вынуждена уступить свои права быть основным перевалочным пунктом в транзитной торговле с Россией (цена за желание «надменного посредничества»). Как бы в отместку (самой себе) Эстляндия становится ревностным вассалом шведской власти в Прибалтике.

Горечь по поводу поражения немцев и шведов в начале Ливонской войны и отвоеванной Иваном Грозным материковой части Эстонии сменяется у

«историков» восторгом *в связи с поражениями русских войск* от польско-литовского короля Стефана Батория в 1577 году. Польско-литовские захватчики, которые покушались на часть территории старой Ливонии, частью которой была Эстляндия, оккупировали в январе 1561 года замок Тоомпеа. Теперь поляки, которых горожане призывали «перебить всех до последнего», превращаются в освободителей. Ещё бы, ведь Баторий принудил Россию в 1582 году по окончании Ливонской войны отказаться от территории Эстляндии.

В апреле 1569 года в Раквере состоялись переговоры представителей Ивана Грозного, ливонских дворян И. Таубе и Э. Краузе, перешедших на службу к России, с представителями тартуского и таллинского магистрата. Представители русского царя призывали Таллин добровольно покориться России. Взамен обещали сохранить все прежние торговые привилегии, предоставить Таллину статус царского вольного города и передать власть *эстонской элите*. Но предложения не были приняты под *предлогом боязни террора опричнины*. Иван Грозный был вынужден пойти на договорённость с датским герцогом Магнусом (братом датского короля Фредерика II) о создании в Ливонии королевства, которое находилось бы в вассальной зависимости от России.

Магнус воспользовался мятежом немецких наёмников (гофлейтов), которым шведы, захватившие Таллин, не платили за службу. Мятеж был подавлен шведами с большим трудом. Поражение Магнуса в 1570 году, а также поражение русских войск под Таллином в 1577 году и взятие Нарвы шведским военачальником Понтусом де Лагарди в 1581 году воспринимаются «историками» как триумф шведского оружия *над русскими*. С восторгом говорится о моменте, когда после заключения 10 августа 1583 года договора

со шведами Россия покинула территорию Ливонии.

В начале 16 века в Европе начинается движение Реформации, которое представляло собой массовое религиозное и общественно-политическое движение, направленное на реформирование католического христианства. Началом Реформации принято считать выступление доктора богословия Виттенбергского университета Мартина Лютера. 31 октября 1517 года он обнародовал свои «95 тезисов», в которых выступал против существующих злоупотреблений католической церкви и против продажи индульгенций.

«Историки» рассматривают движение Реформации, начавшееся в Эстонии, как стихийное. В доказательство тому служит спонтанное уничтожение алтарей во многих церквях Таллина 14 сентября 1524 года. Во многом это был сознательный социальный протест низов против засилья католической церкви и монастырей в жизни средневекового города. Движение это нельзя рассматривать только как религиозно-церковное, в результате которого эстонцы стали ближе к *лютеранской Швеции*. А тем более, что оно явилось *причиной последующего выбора* между влиянием Швеции и влиянием России. Влияние протестантизма всегда рассматривалось эстонской элитой как необходимое условие *отрыва* простого народа *от российского православия*.

Простые эстонцы врываются в стены ненавистного Доминиканского монастыря Святой Катарини в Таллине, затем в церковь Святого Олая и Святого духа и вымещали злобу на всех: и своих имущих, и чужих. Разгромив алтари и уничтожив предметы искусства, которое у них ассоциировалось с Ливонским орденом, дворянством, с немецким и эстонским богатым бюргерством, они мстили чуждой религии за поруганные чужеземцами святыни язычества. Кстати,

Ива́нов день, летний народный праздник языческого происхождения, называемый так у всех восточных славян, обрядность которого была связана с летним солнцестоянием, до сих пор является в Эстонии *основным событием* и празднуется всем народом ежегодно 24 июня с наибольшим воодушевлением.

Интересна позиция «историков» в отношении католического ордена иезуитов, которые в 1583 году выступают за восстановление главенства римской церкви, что могло формально поставить под сомнение целесообразность перехода Эстляндии к лютеранству по шведскому образцу.

Но иезуиты вдруг становятся для «историков» «своими». Почему? Всё просто: иезуиты были хорошо приняты эстонским крестьянством. Ради народа эстонская элита готова на любые жертвы, даже несмотря на то, что к 1583 году в шведах наступило *разочарование*. Поскольку иезуиты всегда уделяли большое внимание «образованию» элит всех стран, где действовал их религиозный орден и где они пытались навязывать свои воззрения, то они призывают к тому же «хороших» шведов. Таким образом, появление иезуитов в Эстонии, а также их роль в демонстрации правильного примера для *шведов* оцениваются «историками» весьма положительно. Кроме того, сегодня подчеркивают мысль о том, что выбор Швеции в качестве примера для подражания не может быть ошибочным. Ведь выбор этот сделан *элитой Эстонии*, а значит не может не быть единственно правильным.

Разочарование шведами имело под собой одну вескую причину. Шведы *не были заинтересованы* в реальном социально-экономическом развитии своей новой провинции «Эстляндия» (куда входила не вся Эстляндия, а северо-западная её часть с уездами Хярья, Виру, Ярва и Ляэне). Кроме того, будучи центром

торговли Запада с Русью на протяжении 300 лет, и знать, и бюргерство, и мелкие предприниматели Эстляндии привыкли жить на широкую ногу. Этим, кстати, в своё время был озабочен таллинский магистрат, который выпускал письменные предписания, обязывающие предпринимателей ганзейского города быть скромнее в повседневной жизни.

С переносом центра торговли Руси с Западом в Архангельск доходы предпринимателей резко упали, а расходы населения в виде податей возросли, так как шведы пытались *решить часть своих* внутренних проблем *за счёт чуждой им провинции*. Серьёзно ухудшилось состояние финансовой системы. Единица местной валюты, марка, за которую в былые времена давали девять любекских киллингов, теперь стоила лишь два. Стоимость недвижимости, принадлежащей бюргерам, упала в пять раз. Дети дворян были вынуждены искать пропитания в разбое под началом крепостного крестьянина. Но в этом, по мнению историков, всё равно виделась вина русских, которые якобы разорили Эстонию в Ливонской войне.

Шведы постоянно втягивали провинцию в междоусобные войны. Шведско-польский король Сигизмунд враждовал со своим родственником, герцогом Карлом, фактически правившим Швецией. Карл отстраняет Сигизмунда от власти с помощью шведского ригсдага (парламента) и 24 апреля 1599 года захватывает Нарву. Таллинский магистрат и эстляндское рыцарство в этой связи решили присягнуть Карлу, что и случилось 25 апреля 1600 года. Карл, являясь правителем Эстляндии, развязывает войну с Польшей (1600-1629), в которой на начальном этапе шведы терпят поражение. В 1602 году поляки Сигизмунда подходят к Таллину и грабят *вместе со шведами Карла* окрестности города. Ещё окончательно не сошед-

ший с политической сцены швед-поляк Сигизмунд обещает местной верхушке утвердить их прежние привилегии. В ответ 1 февраля 1604 года на тайном совещании представителей бюргерства и рыцарства был поднят вопрос о присяге польскому Сигизмунду.

Известно, что в то же самое время поляки и шведы пытались уничтожить российское государство, захватив Кремль на одном из этапов своей интервенции. Возможно, в обоюдной ненависти к русским и кроется отгадка причин симпатии эстляндского рыцарства к польскому королю Сигизмунду. Складывается твёрдое убеждение, что позиция элиты, их политические предпочтения, непоследовательность и постоянное лавирование всегда зависели от одного фактора: *могли ли их действия навредить России или нет.*

Шведский король Густав II Адольф, прибрав к рукам в 1620 году в результате войны с Польшей Тарту, Ригу и всю Лифляндию (территории нынешних северной Латвии и южной Эстонии), на этом и успокоился. Шведы усилили притеснение эстонского крестьянства и, как любые колонизаторы, думали только о развитии экономики метрополии, то есть экономики Швеции за счёт колонии, то есть Эстляндии. Дворянство и купечество всё ещё бегали с пакетом ганзейских привилегий как с писаной торбой перед новым властителем, не теряя надежды на безосновательное процветание. При посещении Таллина в 1626 году шведский король был настолько раздражён отсутствием реализма в прошениях новых вассалов, что пригрозил открытием всех портов для свободной торговли, дабы Таллин «подох от привилегий своих». Новая шведская провинция не хотела вводить пошлины на ввоз и вывоз товаров для финансирования дефицита шведского бюджета, и, пытаясь отвязаться от эстонской элиты, Густав посоветовал им арендовать

рудники по добыче железа в Швеции или основать *общество по торговле с Россией!*

Несмотря на сомнительный положительный эффект в экономическом, политическом и гуманитарном плане от оккупации, «историки» считают это время «хорошим шведским временем», так как уже во второй половине XVII века шведы вдруг «исправились»: ими было открыто несколько гимназий и типографий. Что и было тонко подмечено «историками».

Так как практически ничего знаменательного, с 1561 по 1710 год, в провинции не произошло, то и общее впечатление от этого времени представили благостным. Но благостная атмосфера «шведского времени» была несколько подпорчена в 1684 году пожаром, когда в столице провинции выгорели почти все здания (включая кафедральный собор) и смертью десятков тысяч эстонцев от голода в 1695-97 гг.

Под конец своего правления шведы устроили элите провинции «сюрприз»: затеяв войну с Петром I, они решили финансировать её и за счёт Эстляндии, наложив ежегодную контрибуцию для покрытия расходов. Небезызвестный шведский король Карл XII, разбитый Петром I под Полтавой 27 июня 1709 года, даже запретил на некоторое время вывоз из Эстляндии зерна, её основного экспортного товара.

Что же было сделано шведами в юридической сфере? Экономикой провинции они не интересовались, когда это не приносило выгоды для Швеции. Отменив ежегодную смену председательствующего бюргермейстера (их заседало четверо) и их выборность, шведы ввели должность бюргермейстера юстиции, который *назначался* шведским королём. То есть шведы, поборники демократии, ввели назначение на должность, а не выборность должностных лиц. Кроме того, они отменили «ротацию кадров», или ежегодную

смену главного среди четырёх лиц, осуществлявших руководство провинции, что было основой антикоррупционного механизма.

Шведы *поощряли юридическую неразбериху* во круг деятельности гильдий, цехов ремесленников и мастеров-одиночек, обязывая последних становиться участниками соответствующего профессионального союза. Иначе говоря, с помощью таких мер вытеснялся мелкий бизнес, а с профессиональных организаций легче было взимать налоги централизованно.

В ганзейских городах возведение в ранг мастера сопровождалось обязанностью «накрыть стол», то есть угостить товарищей по профессиональному цеху. Для этого взимался щадящий взнос в зависимости от материальных возможностей кандидата. При шведах он возрос до такой степени, что был не под силу многим. Он мог достигать 40-50 риксдалеров (для сравнения, плотник своей работой мог выручить за месяц 2 риксдалера). Повышение размера взноса было особенно актуально в отношении «благородных профессий» (например, ювелиров или кондитеров), которые закрепили за собой немцы и впоследствии, естественно, шведы. Высокий денежный взнос не позволял *переходить эстонцам* из самой низкой, четвёртой категории престижности ремёсел в категории ремёсел более высокого уровня. Фактически это делалось с целью исключения конкуренции со стороны эстонских мастеровых и ремесленников. Это, в свою очередь, снижало качество продукции и повышало на неё цену. Шведы, по сути, тормозили развитие капитализма, прогрессивного по тому времени строя.

Лавируя и пытаясь столкнуть лбами магистрат Таллина и дворян, отменив ранее введенный запрет на торговлю хлебом, шведы, в 1662 году разрешили дворянам продавать хлеб иностранным торговцам

напрямую. Хотя знали, что это будет иметь отрицательные последствия, так как хлебная торговля была сосредоточена в руках не дворян, а городских купцов.

Следуя этой же тактике, они пытались играть на противоречиях между магистратом Таллина и гильдией ремесленников. Воспользовавшись тем, что состав членов гильдий был неоднороден по национальному составу, шведский наместник вставал то на сторону гильдий, то на сторону магистрата, чем накалял и без того напряжённые отношения между ними.

Распри и ссоры шли между гильдией ремесленников Святого Канута, где были сосредоточены наиболее «благородные» ремесленные профессии (соответственно, с немцами и шведами в составе), и гильдией Святого Олая, где в основном членами были эстонцы, менее обеспеченные и обладавшие «непрестижными» профессиями. Карл XI ничего умнее не придумал, как выпустить распоряжение от 16 октября 1675 года об объединении обеих гильдий. Это послужило поводом для новых споров и распрей. И в результате многие эстонцы потеряли возможность становиться бюргерами, их правовое и социальное положение ещё более ухудшилось. Немцы в то время составляли сорок процентов населения провинции. Кроме того, в Эстляндии проживало множество шведов.

Русский царь Пётр I противопоставлен «историками» шведскому Карлу XII, который является истинным, но несчастным героем. Вначале Карл талантливо разбивает войска русских под командованием генерал-фельдмаршала де Круа силами одного батальона под Нарвой в октябре 1700 года, затем этот «романтик» *случайно* подвергается жестокому разгрому под Нарвой и Тарту в 1704 году.

Они подчёркивают, что когда речь идёт о победе над русскими, то это заслуга его полководческого та-

ланта, а если у Карла XII случается поражение, то на всё воля случая. И всегда страдают от поражений Карла эстонцы, десятки тысяч которых либо умерщвляются русскими, либо уводятся ими в полон. Симпатии «историков» целиком на стороне «несчастливого» Карла, а *все беды от русских*. Хотя всем известно, что союзниками Петра I в этой войне были и Дания, и Польша, но об их роли в уничтожении десятков тысяч бедных эстонцев почему-то не упоминается.

Таллин, который «никогда не сдавался русским», на этот раз, 29 сентября 1710 года подписал акт о капитуляции, так как был «измучен чумой». На самом же деле шведская армия сломалась под натиском войск Б. Шереметева ещё в июне 1704 года, когда сами русские стояли на подступах к Таллину. Завершив разгром войск Карла XII под Полтавой в 1709 году, 15 августа того же года передовые отряды русских вновь появились перед крепостью, над которой развевался *шведский* флаг, с которым Россия находилась в состоянии войны. 17 августа от имени князя А. Меншикова вице-губернатору Эстляндии шведу Паткулю было вручено письмо с обещанием утвердить все старинные привилегии в случае прекращения сопротивления. Это обещание было как раз тем, чего безуспешно добивалась от шведов эстонская элита все 150 лет оккупации.

Естественно, что Паткуль скрыл от всех содержание письма и приказал сжечь часть пригородов. 18 августа 1710 года корпус генерала Р. Бауэра и части генерала Иваницкого начали обстрел Таллина. Шведы уже давно смирились с поражением, *устав от проблемной провинции*, и были готовы к её сдаче. Шведский флот не принимал никакого участия в обороне города. Штурм не было. Паткуль принял решение о капитуляции под давлением элиты, которой

Пётр I обещал привилегии. Русский царь знал об этой старой песне и, как говорится, спел её «под заказ». Так элите было легче покориться, сохраняя лицо. 29 сентября 1710 года был подписан акт о капитуляции шведов.

Юридически присоединение Эстонии к России было оформлено Ништадским мирным договором от 30 августа 1721 года. Заключение этого договора, по мнению «историков», естественно привело к ухудшению положения эстонского крестьянства. Пётр I, оказывается, снова ввёл привилегии для немцев, которых последние были лишены «хорошими» шведами. Всё те же «историкки» начинают сравнивать Петра I со Сталиным; Советский Союз (Россию, русских) – с гитлеровской Германией. Обвинение Советского Союза в оккупации Эстонии – это желание *отвести от буржуазной Эстонии обвинения в сотрудничестве с гитлеровской Германией*. В общем, русских нужно объявить по американской традиции «плохими парнями», немцев объявить такими же заодно с русскими. Но так как все не могут быть «плохими парнями», а эстонская элита всегда оставаться «хорошей», то «хорошими» становятся шведы.

С этого момента начинается «борьба» с угнетателями с востока. Например, комендант Таллина В.Зотов в 1711 году пытается обращаться к магистрату с письмом на русском языке, но это письмо отсылают обратно даже не вскрыв. Когда следующий комендант В.Дельден обращается к «уважаемым господам» уже на немецком языке, которым он владел, в отличие от Зотова, то «конфликт» разрешается сам собой. Русский язык уже тогда считался элитой недостойным и плебейским.

Но хоть что-то положительное было от присоединения Эстонии к России? *Сами «историкки» под-*

тверждают, что да. Однако их оговорки, как всегда сводят все достижения на нет. Произошло расширение сети сельских школ (эстонская элита, как всегда, прежде всего заботится о благосостоянии и образовании крестьянства). Но, по мнению «историков», основы сельского образования были заложены шведами. Прибалтийско-немецкое дворянство получило доступ в привилегированные слои общества России. Признавая тот факт, что русские всё-таки допустили прибалтийское дворянство к *должностям* центрального управления государством (чего шведы никогда себе не позволяли), вскользь замечается, что прибалтийско-немецкое дворянство к этому не стремилось.

В Эстляндии намного раньше (1816), *чем в России*, была формально отменена (1861) крепостная зависимость крестьян. В руки эстонцев перешло местное судопроизводство. Законом 1785 года впервые за всю историю страны появилось основанное на избирательном праве местное самоуправление, ограниченное имущественным и сословным цензом. Пётр I *выполняет своё обещание* подтвердить торговые привилегии в именном Указе от 13 марта 1712 года (ил.3), который на практике в 1724 году был подкреплён тем, что специальная комиссия в Петербурге запретила ввоз в Эстляндию изделий, производившихся эстонскими ремесленниками.

Появление русских войск также оказало положительное влияние и на экономический рост провинции (как, например, появление военных баз американцев в разных точках земного шара): у местного населения появляются новые рабочие места, а некоторые товары для нужд армии заказываются у местных поставщиков. С 1758 года все расходы по поддержанию в надлежащем виде фортификационных сооружений взяло на себя центральное правительство. Эстонские

крестьяне (добровольно) принимали православие, а некоторые даже переселялись в Россию.

Интересно отметить, что в 1730 году вышел сенатский указ, ограничивающий права *русских* купцов в столице Эстонии. Им разрешалось торговать только товарами, ввозимыми из России. Современники отмечали гибкость русских купцов, которая выражалась в том, что они *довольствовались меньшей прибылью*, чем немецкие и шведские купцы. Начиная с малого и ведя скромный образ жизни, накапливали немалые капиталы. Тем самым они значительно потеснили немцев в торговле. Удельный вес немецких купцов заметно понизился. Наряду с русскими стало *больше купцов среди эстонцев*.

Русские наместники, выполняя волю русского монарха, осуществляли меры по развитию слабой экономики и были заинтересованы в скорейшем подъёме новой провинции. Наместник обеспечивал право каждого свободного человека, вне зависимости от национальности, стать бюргером или городским жителем при выполнении условий, предусмотренных законодательством. На основании закона 1768 года каждый горожанин мог приобрести право торговли, при этом льготы зависели от размера собственного капитала.

С 1782 года десять процентов от сумм таможенных пошлин, взысканных во внешней торговле на территории провинции, стали оставлять в *местных* бюджетах. В этом же году были отменены внутренние пошлины, что сразу же благоприятно подействовало на развитие местной торговли. В 1783 году был издан специальный указ о типографиях, разрешивший частным лицам основывать их повсеместно.

В 1785 году был принят новый закон, регулирующий сферу ремёсел и предпринимательства, который в частности, отменил монополию немецких цеховых

М. ПЕІТІРЪ ПЕРШІІ БОГЪ МАТІВ
ЦРІ ИСАИДЕРСЦЕ СВОСІИИИ . ПІРОВА .
И ПІРОВА ПІРОВА :

[illegible]

*Илл. 3. Пётр первый подтверждает привилегии Таллина
13 марта 1712 г.*

мастеров в «благородных» отраслях ремесла. С принятием закона у местных предпринимателей появилась возможность основывать мастерские, мануфактуры, заводы и оснащать их станками и оборудованием. Первым крупным промышленным предприятием стали Адмиралтейские мастерские, построенные ещё в 1732 году. Они были предназначены для ремонта и обслуживания парусных судов военно-морского флота. С 1788 года импорт ткани осуществлялся через эстонские порты и составлял 20 % от всего импорта. С появлением хлопчатобумажной ткани началось широкое её производство и в Эстляндии, в основном ситца. Строительство крупных предприятий с начала XIX века шло по нарастающей. Первая железная дорога между Палдиски и Петербургом была открыта в 1870 году, *то есть раньше, чем железнодорожный путь между Петербургом и Москвой!*

В начале 1787 года начала действовать городская Дума – представительский орган, депутаты в который избирались на три года, что было невозможно при шведах. Состояла Дума из 32 депутатов, 25 из которых выдвигались представительствами мастеровых специальностей или цехов, по одному представителю от каждого цеха. Знающих русский язык было мало, и делопроизводство велось преимущественно на немецком языке. Была введена такая демократичная мера, как институт переводчиков с русского языка при магистрате. Русский язык никто *не насаждал* насильственно.

Несмотря на сложившийся негативный образ российского жандарма, была проведена любопытная реформа органов внутренних дел. В 1805 году в городах были созданы полицейские управы, которые не подчинялись исполнительному органу власти городов – магистратам. Создавались предпосылки

появления демократичных, *независимых* от исполнительной власти органов полиции. Полицмейстеры (главы полицейских управ) впоследствии стали выполнять и несвойственные им функции, например, устанавливали максимальные цены на продовольственные товары.

Цифры, зафиксированные магистратом Таллина в бюргерских книгах, не дают права утверждать, что началось насильственное заселение русскими столицы и самой провинции. Согласно данным домовых книг, за 1710-1786 годы город принял 1194 новых жителя, из них 43 % – из других местностей Эстонии, а 56 % – из-за пределов Эстляндии (*из Германии – 490, из Швеции – 41, из Финляндии – 33, из Латвии – 24, из России – 10 человек*). Возможно, среди прибывших из Финляндии и Латвии были и русские, но всё равно это цифра несопоставима с цифрой прибывших из Германии.

С 1700 по 1793 год среди ремесленников почти пятидесяти специальностей и купцов по национальному составу в столице из 1533 представителей 739 были эстонцы, 517 – немцы и всего 79 – русские. Следовательно, *нельзя говорить и о засилье русских* в торговле и предпринимательстве, хотя провинция и входила в состав Российской империи. Кроме того, по свидетельству современников, русские кормили столицу овощами, которые сами и выращивали. Это была сезонная работа, «огородники» в основном из северных губерний России прибывали весной и разбивали огороды на любом свободном земельном участке в пригородах. По утверждениям тех же современников, русские работники отличались *прилежностью и честностью*.

Анализ национального состава населения самого крупного города провинции позволяет сделать

вывод о том, что с 1820 по 1871 год удельный вес эстонцев вырос на 50 %, удельный вес немцев снизился на 15 %, (незначительно), а число русских снизилось довольно серьёзно, на 30 %. Это свидетельствует об *отсутствии намерения* царских властей заселить территорию русскоязычными мигрантами с целью национального притеснения коренной нации. Более того, русские *не могли оказывать на эстонцев и экономического давления*, например, скупая недвижимость и землю с целью найма батраков или работников. Большая часть владельцев недвижимости (90,3 %) русской национальности принадлежала к числу мелких собственников. Даже с началом эпохи капитализма в 1864 году из недвижимости в столице немцам принадлежало 82, 4 %, а русским всего 11,5 %.

В 1715 году был построен военно-морской госпиталь, первая настоящая больница. Одновременно в госпиталях на лечении могло находиться более тысячи больных, в том числе и гражданских лиц. Чума, бич Эстонии, была практически побеждена ещё в 1721 году благодаря организации карантинной службы. Для изоляции больных был создан карантинный изолятор на острове Аэгна. В 1756 году тартуский врач А. Шулинус впервые в России привил оспу. В 1802 году был вновь открыт Тартуский университет, одно из передовых учебных заведений в Европе того времени, готовивший в том числе и медицинский персонал. В 1804 году был открыт первый родильный дом.

В 1786 году в целях развития народного начального образования были учреждены двухклассные народные школы в уездных городах и четырехклассные в губернских. В 1856 году в столице губернии с населением 20000 жителей, в том числе с детьми школьного возраста (от 7 до 17 лет) около 3 000, работало

35 школ с 1 527 учащимися. То есть более половины детей получало начальное образование, что было неслыханно даже для главных городов империи — Санкт-Петербурга и Москвы!

В 1715 году вышел в свет Новый Завет на эстонском языке, а в 1739 году полный текст Библии. В 1726 году появился новый букварь. Эстонская речь впервые прозвучала на сцене также во время «оккупации русскими», в 1789 году в пьесе эстонского драматурга А. фон Коцебу «Родительское ожидание». В 1821 году стали издавать первый эстоноязычный еженедельник. С 1838 года книги на эстонском языке стали уже широко издаваться.

Эстонский филолог Р. Фаэлманн положил начало сбору эстонского фольклора и народного эпоса. После его смерти труд по составлению эпоса был продолжен Ф. Крейцвальдом, издавшим эпос «Калевипоэг» в 1862 году. В 1869 году был организован первый певческий праздник, куда собрались хоры и фольклорные коллективы со всей Эстляндии. Российские власти не жалели сил и средств на подъём провинции. Они, по крайней мере, не мешали подъёму национального самосознания эстонцев. На каком-то этапе у элиты (1860 год) *даже возникла мысль выразить признание русским и особенно русскому царю Александру I*, который к тому же являлся инициатором отмены крепостной зависимости крестьян Эстляндии, учредив высшее национальное учебное заведение, — Эстонское Александровское училище.

Казалось бы, на таком положительном фоне трудно отрицать заслуги имперского правления. Но господа «историки» тонко подметили, что русские развивали то, что с таким трудом *было заложено шведами*, а немцы пресмыкались перед русскими и были у них в услужении. Удивительно, но на таком

положительном фоне в рядах элиты, поддержанной российским государством, возникает националистическое движение, которое своей конечной целью ставило освобождения Эстонии от *русской государственности*, являющейся, по мнению элиты, тиранией для эстонцев по определению. Проблема российского подхода к маленьким народам всегда заключалась в позитивном, ненасильственном развитии с максимальной национальной автономией. Этим простодушием и решила воспользоваться элита, *цинизм и вероломство* которой впоследствии чётко прослеживаются по отношению ко всем действиям русских, какую бы сферу они не затрагивали.

Естественно, что между лидерами националистического движения произошёл раскол. Р. Якобсон призывал не отрицать роль России в позитивных переменах в стране и развивать автономию в составе Российской империи. Я. Хурт с ним не соглашался и призывал бороться за отделение от России. При этом и тот, и другой выступали против засилья и в политической, и в экономической жизни немецких дворян и помещиков. Лидеры обоих течений не смогли договориться, и в элите в этот момент произошёл *безосновательный* сдвиг в пользу антироссийских настроений. В результате такими действиями *местная* элита «охладила» центральные власти, не ожидавшие такого неблагоприятного отношения. И элита получила ряд «ущемлений прав» в рамках неких мер, которые историки называют программой по «русификации Эстонии». Эти меры не были ни программой, ни даже намерением по русификации эстонцев. Но какие-то меры должны приниматься в борьбе с проявлениями национализма в рамках одного государства. Это само собой разумеется. Как говорится, плюёшь в колодец — сам из него и не напьёшься.

Но зачем плевать, если в развитии отношений было всё достаточно гармонично, если не идеально. Зачем российской администрации надо было начинать *закручивать гайки*. Это выглядит абсурдным. На самом деле, вероятно, нужен был только *повод* для оправдания своих безосновательных и циничных обвинений в адрес «колодца». По утверждению «историков», русские воспользовались расколом в националистической элите, чтобы осуществить свои «коварные» замыслы: русифицировать образование и делопроизводство, начать гонения на лютеранскую церковь, насаждая православие. Выражаясь образным языком, русские захотели заставить эстонских матерей петь русские колыбельные своим детям. Махровый национализм стал постепенно вытеснять естественное, свойственное каждому народу стремление к пробуждению национального сознания граждан, их культурных традиций.

В начале XX века острей националистического движения было направлено против немцев, о чём свидетельствует победа на муниципальных выборах в Таллине в 1904 году объединённого русско-эстонского политического блока. Один из его лидеров, К. Пятс, впоследствии президент, после победы блока на местных выборах выступал со страниц национальной газеты «Театая» именно за такой совместный подход в политической жизни.

Началом окончательного разворота от России в сторону Запада стал призыв интеллигенции из политического объединения «Молодая Эстония» оставаться эстонцами (надо полагать, не поддаваясь проводимой «русификации»), но одновременно и становиться пресловутыми европейцами. Вскоре ими было решено добиваться автономии как конечной цели в политической деятельности. Вооружённое выступление

российских рабочих и крестьян против царского режима в 1905, к которому примкнули и эстонцы, до смерти *напугало* не только ярых националистов и эстонскую буржуазию, но и умеренную эстонскую интеллигенцию. Пример русских, ведущих за собой эстонцев в борьбе против имущих, был слишком разительным: на севере Эстонии были сожжены сотни помещичьих усадеб (мыз).

Буржуазные националисты решили, что всякая революционная, радикальная мысль, угрожающая частной собственности, «зараза социализма», *идёт от русских*, с их «эгалитарными» настроениями справедливости и равноправия. «Нам с ними не по пути», – решили националисты и стали *выжидать удобного момента* для провозглашения независимости от России. С этого же момента все требования о большей автономии провинции стали просто предлогом или ширмой для маскировки истинного радикального намерения эстонской элиты.

Например, во время демонстрации эстонцев в Петербурге 26 марта 1917 года на волне Февральской буржуазной революции в России, на эстонском сине-чёрно-белом триколоре по-русски было начертано «Свободная автономная Эстония», а на эстонском языке, который в Петербурге мало кто знал, было написано «Свободная Эстония» (*Vaba Eesti*), что, как говорится, две абсолютно *разные вещи* (илл. 4). Таким образом, ещё до Ноябрьской революции 1917 года, которая была направлена против класса имущих, была ясно выражена цель эстонской элиты – независимость, а не автономия.

То, что требовали демонстранты на русском языке, *было удовлетворено* российским Временным правительством 30 марта 1917 года уже после свержения Николая II: Эстонии была дарована автономия, но в

Илл. 4. Демонстрация эстонцев в Петербурге 26 марта 1917 г.

рамках единого государства. Керенский поддался на провокацию националистов в рамках общего тренда «демократизации» и назначил комиссаром Эстляндской губернии таллинского городского голову Я. Поску, выгнав пинком под зад царского губернатора с недемократичной фамилией Верёвкин. Однако движение локомотива, который на самом деле направлялся к конечной станции под названием «Независимость», было предопределено. Логика событий подсказывает, что движение в данном направлении было задано самими русскими (в данном случае Временным правительством Н. Керенского) в рамках

общего движения по направлению к «демократизации» российского общества (так же, как впоследствии и движение М. Горбачёва к «демократизации») или его ослаблению по *всем направлениям*. Заслуг эстонской элиты в достижении автономии мы не находим, так как они и сами были удивлены той *лёгкости*, с которой *им предоставили* автономию. Элита присвоила этому событию ласковое определение «Солнечная революция».

Элита также не ожидала дополнительной щедрости русских: было подготовлено постановление Временного правительства о присоединении к Эстляндской губернии южной Эстонии, которая к тому моменту входила в состав Лифляндской губернии. Но умиротворение слабым правительством Керенского таким способом не могло сдерживать аппетиты националистов. Благородный жест был *воспринят* как слабость русских, что, в общем-то, слабостью и являлось. А слабостью обычно пользуются. Фактически признать то, что автономия была получена без борьбы, *по доброй воле русских*, для элиты не выгодно. Это, естественно, никогда и не было бы признано. Это также будет являться *дополнительной* причиной для проявлений ненависти и неприязни. В противном случае нарушается вся так удачно выстроенная концепция в фундаменте идеологической платформы элиты о том, что *они сами* в борьбе завоевали автономию и независимость, что, конечно, очень лестно и не может не являться особой заслугой. Такая заслуга элиты непременно *должна быть оценена эстонским народом*.

В мае 1917 года состоялись выборы в губернский земский совет (Маапьев). В нем националисты и закрепились. Вскоре они неизбежно вступили в конфликт с параллельно организованными большевистскими советами эстонцев. Это был так

называемый период «двоевластия», который в равной степени относился и к любой административной единице на территории России, и не являлся чем-то уникальным. Органы власти, лояльные временному правительству, вступали в клинч с советами рабочих и крестьянских депутатов. В Эстонии губернский земский совет, был проворнее и для защиты своих интересов *стал первым организовывать собственные военизированные формирования.*

В дальнейшем мы будем свидетелями развернувшейся политической борьбы между *самими эстонцами*, являвшимися представителями различных социальных и имущественных слоёв, и к этой борьбе русские будут иметь достаточно косвенное практическое отношение. Например, 12-14 октября 1917 года состоялся съезд Советов Эстляндии, на котором из 30 делегатов две трети были коммунистически настроенными. Большинство делегатов были лицами эстонской национальности, а председателем исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов Эстляндии был избран эстонец Яан Анвельт.

Не сформировав полноценные вооружённые силы, новая коммунистическая власть была слаба в военном отношении. А немцы поджимали. Мысль *воспользоваться* военным поражением России для выхода из её состава первым высказал политик Я. Тынисон 25 августа 1917 года. В это время, 29 сентября, на острове Сааремаа уже высадились немецкие войска. Царские войска терпели поражения от немцев, так как солдаты уже не хотели воевать. В этот момент Тынисон и призвал к провозглашению независимости.

Но многие эстонцы во главе с руководителем военно-революционного комитета, В. Кингисеппом, считали более важным не провозглашение *формальной* независимости, а борьбу с имущими классами.

Вооружённые рабочие под его руководством сместили губернского комиссара, ставленника Временного правительства Керенского Поску, захватили вокзал, почту, другие основные государственные объекты в столице Эстонии ещё *до начала* вооружённого восстания в Петербурге. Эстонские революционеры победили и, не дав кавалерийскому корпусу генерала Краснова двинуться на подавление восстания в Петербурге, 26 октября учредили правительство во главе с эстонцем Х.Пегельманом. Делопроизводство стало вестись на эстонском языке. Революция была *бескровной*, а первые жертвы (но не революции, а контрреволюции) появились при конфискации имений помещиков в Пюсси.

Впоследствии Кингисеппа объявили марионеткой Петербургского совета большевиков и зверски умертвили (илл.5). *По просьбе элиты* началась оккупация Эстонии немцами, которые, подавив революционные

Илл. 5. Виктор Кингисепп (1888-1922) в 1906 г. Расстрелян.

выступления, фактически взяли власть в Эстонии в свои руки. Однако элита, *пользуясь неразберихой* (по выражению всё тех же «историков»), до прихода основных сил немцев подсуежилась и (опять же до полной оккупации Эстонии немецкими войсками) 24 февраля 1918 года провозгласила независимость Эстонии, пусть и на несколько дней.

Эта независимость была тут же похоронена *немецкими* войсками,

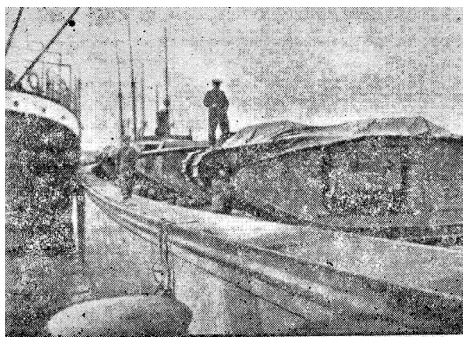
а временное правительство эстонской элиты распу-
щено. Начались аресты и расстрелы. В Паэскула, в
тридцати километрах от столицы, немцами был орга-
низован первый концентрационный лагерь. Многие
члены правительства, сформированного главой Ко-
митета спасения К. Пятсом, были арестованы. Один
из членов Комитета спасения, Ю. Вильмс, был убит.
Балтийское герцогство немцев, протекторат, учреж-
дённый Германией вместо независимости, просуще-
ствовало недолго в связи с вооружённым восстанием
рабочих Германии осенью 1918 года. Немцы были
вынуждены уйти. Этот уход немцев в настоящее вре-
мя отмечается в Эстонии 23 июня как национальный
праздник – День Победы.

Илл. 6. Манифест Эстляндской Трудовой Коммуны (1918)

Но внутренняя вооружённая политическая борьба между взбунтовавшимся народом и эстонской элитой ещё не была закончена, она продолжалась с перерывами до 1925 года. 29 ноября 1918 года в Нарве была провозглашена независимая Эстонская Советская Республика под названием Эстляндская трудовая коммуна (илл.6). 7 декабря 1918 года Эстляндская коммуна была признана правительством РСФСР, которое обещало оказать Эстонии экономическую и военную помощь.

Для существующего параллельно с Коммуной Эстонского буржуазного правительства это было уже слишком. «Спасать» Эстонию от большевиков взялись англичане. Уже 12 декабря 1918 года в таллинский порт прибыла английская эскадра во главе с адмиралом Синклером, который впоследствии и руководил действиями эстонцев по уничтожению Коммуны. Против рабочих с охотничьими ружьями англичане выставили *танки*, которые доставили в порт Таллина (илл.7). В это же самое время в порту Палдиски стоял английский пароход для возможной *эвакуации элиты* в Лондон.

Илл. 7. Английские танки в Таллинском порту (1919)

Хитрые англичане не собирались рисковать своими солдатами. Они стали поставлять оружие (обычная практика), *селёдку* и пытаться воевать руками наёмников. По поводу селёдки Вильсона (премьер-министра Англии) в эстон-

ском народе ходила байка: «Выплюньте изо рта эту селёдку и довольствуйтесь своей родной салакой».

Первые интервенты-наёмники прибыли в Эстонию из *Финляндии* (простые эстонцы называли их «финскими мясниками») в конце декабря 1918 года. В январе 1919 года их численность достигла трёх тысяч. С ними выступил Балтийский батальон, состоявший из состоятельных эстонцев. Началась массовая расправа с неимущими эстонцами. В одном только Тапа было убито 300 коммунаров и активистов. Сотни были убиты в Нарве, Тарту и других местах. На острове Сааремаа в феврале 1919 года карателями были убиты более 300 человек, в том числе руководители местного отделения Коммуны, А. Койт и М. Эллам.

Следует отметить, что даже те эстонцы, которые воевали за интересы имущих против русских, делали это крайне неохотно и при определённых обстоятельствах поворачивали оружие против самих имущих. Так, крестьяне-ополченцы, набранные в буржуазную эстонскую армию, отказались помогать отрядам наёмного войска (ландесвера), набранного в Курляндии (Латвия), когда начальники этого наёмного войска пытались направить ополченцев на защиту интересов эстонских помещиков в Эстонии.

При наступлении войск Антанты на Петроград солдаты эстонской буржуазной армии отказывались идти в бой. Чтобы заставить солдат воевать против русских, 10 октября 1919 года Учредительное собрание Эстонии приняло аграрный закон, по которому в первую очередь наделялись *конфискованной помещичьей землёй* солдаты буржуазной армии.

В народе были сильны настроения заключить мирный договор с Россией, что выразилось в решении I Съезда профсоюзов Эстонии, состоявшемся в конце августа 1919 года. В ответ на это, по требованию

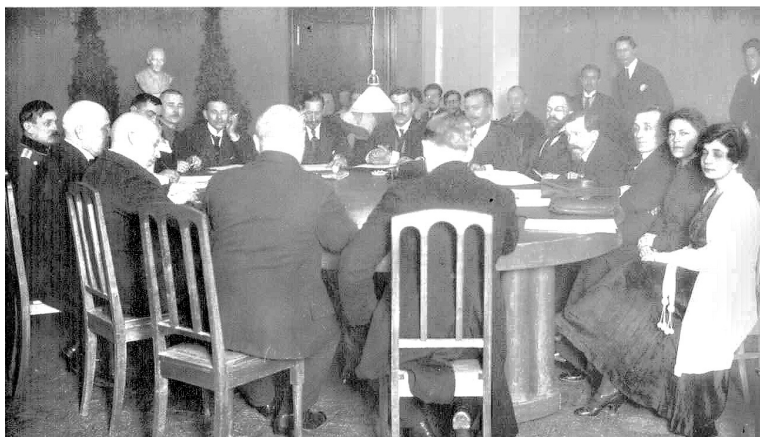
англичан, эстонская буржуазия разогнала съезд и *арестовала* его руководителей. 25 из 102 профсоюзных активистов были без суда тайно умерщвлены под Изборском (Псковская область), в том числе председатель Центрального совета профсоюзов Эстонии А. Аннус. (илл.8) Оставшихся в живых демонстративно *выслали* во время боя через фронт в Россию.

Однако эстонская элита была поддержана в стремлении к независимости именно Советской Россией. В начале декабря 1919 года

Илл. 8. Александр Аннус (1872-1919). Расстрелян.

в Тарту начались мирные переговоры (илл.9). Англичане были против их начала. Тем не менее независи-

Илл. 9. Эстонско-советские мирные переговоры, январь 1920 г.

мость была оформлена *юридически* в результате подписания 2 февраля 1920 года *договора о мире* между Эстонией и Советской Россией. Из бывшего золотого запаса царской России было выделено 15 миллионов рублей золотом. Взамен английский флот должен был покинуть пределы Эстонии.

Казалось бы, живи и радуйся. В последующие годы Эстонию признали большинство государств. Теперь нужно просто мирно жить и налаживать дальнейшую интеграцию с Россией, с которой Эстония была связана плотью и кровью как экономически, так и духовно. Но это как раз больше всего и *раздражало* эстонскую элиту. А ещё страшнее было признание буржуазной Эстонии *Советской* Россией. Россия строила социализм, которого как огня боялась эстонская буржуазия и землевладельцы.

Большинство населения очень быстро разочаровалось в традиционной враждебной антирусской и антисоветской политике элиты, когда вокруг, в Европе, существовали массовые настроения к построению социализма. Для преодоления разочарования необходимо было жёсткое антисоциальное правление и разнузданная антисоветская и антироссийская пропаганда. На этот путь элита вступила уже в 1922 году, и диктатура, ориентированная на фашистскую Германию, была сформирована, по сути, к 1930 году. В Эстонии было введено положение, действовавшее с 1920 по 1929 год, при котором принадлежность к компартии каралась каторжными работами или *смертной казнью*. Оно было отменено только к тому моменту, когда большинство лидеров социалистов были пересажены в тюрьмы или уничтожены. 3 мая 1922 года был *расстрелян* лидер социалистов Эстонии В.Кингисепп.

Основной инстинкт частного собственника по сохранению крупной собственности и право исполь-

зования наёмного труда за гроши подсказал элите единственно возможный вариант действий: *обвинять во всех грехах* Советскую Россию с её *антисобственнической* идеологией. Трудности построения независимого государства тоже было решено списывать на Россию, которая якобы пыталась *дестабилизировать* положение в Эстонии, используя эстонских коммунистов. Поэтому, расстреливая коммунистов, элита тем самым представляла такую жестокость перед обывателем как необходимое условие борьбы с *лишающим обывателя собственности* влиянием России. И в 1923 году, например, между Эстонией и Латвией был заключён военный союз, направленный против СССР.

Обыватель не осознавал, что трудности построения независимости были связаны с тем, что Запад *не был заинтересован* в экономическом развитии региона, без которого не может быть независимости политической. Запад *дал заглотнуть* развитой промышленной базе Эстонии, сохранившейся ещё в начале 20-х годов XX века, так как рассматривал страну в качестве исключительно *рынка сбыта товаров*. Ввергнув страну в состояние должника, очень удобно навязывать свою политическую волю. У Эстонии внешняя задолженность к 1924 году достигла катастрофической величины — в полтора миллиарда марок.

Местные эстонские промышленники под влиянием западных финансистов научились «играть» с бюджетными деньгами, отказываясь от производительного использования денежных средств. На фирмы-однодневки оформлялись бюджетные займы, якобы под реальные промышленные проекты, получались средства из эстонской государственной казны, а однодневки затем искусственно банкротили. Очень распространённая схема и в наше время. Естественно, что к 1923 году разразился финансовый кризис, явив-

шийся причиной этого и последующих циклических (каждые 3-4 года) экономических кризисов.

Недовольство эстонцев вылилось в их *собственное желание* поменять строй. Чашу терпения переполнил расстрел осенью 1924 года очередного председателя (первым был умерщвлённый в 1919 году А. Аннус) Центрального совета профсоюзов Я. Томпа (илл.10). Однако вооружённое выступление эстонцев 1 декабря 1924 не было просто попыткой организации коммунистического переворота в интересах РСФСР. На самом деле основной причиной выступления эстонцев против правительства была тяжёлая экономическая ситуация, спровоцированная элитой.

Илл. 10. Яан Томп
(?- 14 ноября 1924). Расстрелян.

В 1924 году в Эстонии по официальным данным было уже 20 000 безработных. Судостроительные заводы, построенные на русский капитал, простаивали. Машиностроительные заводы «Двигатель» и «Вольта» работали с загрузкой менее чем в половину мощности. Кредит, полученный от англичан, был целевым и направлялся на закупку вооружения и боеприпасов в Англии под предлогом нейтрализации агрессии со стороны России. Крестьянство тоже было разочаровано, так как земельными участками были наделены в основном только бывшие офицеры (не рядовые), участвовавшие в так называемой «войне ландесвера» в июне 1919 года. К 1923 году из 20 000 семей мызных

рабочих (батраков) землю получили всего одна четверть из них.

Голословное утверждение элиты о том, что восстание 1924 года было организовано Россией, смехотворно. Сами буржуазные деятели впоследствии признавались, что их власть 1 декабря 1924 года висела на волоске, и если бы Россия решила вмешаться на стороне простых эстонцев, то власть перешла бы в руки народа.

Борьбой с «призраком коммунизма» оправдывают и появление в 1930 году фашистского движения, возглавляемое «Ээсти вабадуссыяласте лийт» (в просторечье вапсы). Сильная власть должна была покончить с коммунизмом и экономическим кризисом. Новая конституция «вапсов» давала президенту полномочия диктатора. Для «умеренных» Пятса и Лайдонера, ориентировавшихся на Лондон, и реакционера Ларки от вапсов, ориентировавшегося на Германию, где к власти пришёл Гитлер, *главным была власть*, дававшая рычаги к обогащению. Пятс опасался влияния Ларки, который обещал все блага всем слоям населения, и поэтому он решил опередить Ларку, совершив захват власти *до выборов*.

12 марта 1934 года в столицу вошли воинские части под командованием Лайдонера. Было объявлено военное положение. Подготовка к выборам президента была приостановлена. Собрания и демонстрации были запрещены.

Правительство Пятса стало скатываться к невиданным в Эстонии авторитарно-реакционным насильственным методам правления под предлогом борьбы с экономическим кризисом. Кризис, начавшийся в 1929 году, был нешуточным. Естественно, что любое ухудшение экономических условий всегда усиливает левые и прокоммунистические настроения. По некоторым данным в 1933 году число

людей, полностью или частично безработных, составляло 200 000 человек (почти пятая часть населения). В этом же году тысячи безработных организовали «голодный» марш по улицам столицы Эстонии. Для создания «общества благоденствия» любое инакомыслие в части отрицания главенства в социальной жизни частнособственнических инстинктов жёстко подавлялось. Правительство Пятса распустило парламент, запретило политические партии: вместо них была создана монополярная партия – «Исамаалийт» («Отечественный союз»). Была введена строгая цензура, запрещены политические собрания и демонстрации.

Но жесткие меры не помогли слабому президенту, правительство которого безоговорочно копировало способы ведения дел Западом. Не помогло Пятсу и всё более тесное сотрудничество с гитлеровской Германией. Например, генеральный штаб Эстонии сотрудничал с германским генеральным штабом, который отводил Эстонии немалую роль в качестве плацдарма в начале будущей войны с СССР. В мае 1938 года правительство было вынуждено объявить амнистию для заключённых-коммунистов, таких как И. Лаурстин, Х. Аллик, А. Веймер и др., с участием которых в 1938-1939-м годах был сформирован антифашистский народный фронт, автоматически ослаблявший действующее правительство и *без участия России*.

То, что президент Пятс склонялся к фашистской Германии, не может вызывать сомнения. Случай не дал ему шанса осуществить «подобострастно-верноподданический» жест по отношению к Германии, как то сделала Литва, уступив Гитлеру часть собственной территории (район Клайпеды) в 1938 году. Однако лозунги, под которыми выступала элита Эстонии того времени, поразительно напоминают

лозунги в Германии, которые призывали к улучшению жизни немцев за счёт народов других стран. Происходит копирование действий Германии по борьбе с экономическим кризисом путём уничтожения основных носителей протеста – социалистов и устранения угрозы коммунизма.

Но немцы в очередной раз не оправдали надежд элиты. 23 февраля 1939 года они подписали со Сталиным пакт «Молотова-Риббентропа», передав Эстонию в сферу влияния России, надеясь впоследствии подмять её под себя, начав войну с Советским Союзом. Советский Союз, не имея достаточной подготовки к войне с Германией, подписав это соглашение с Гитлером, стремился *отодвинуть свои границы* как можно дальше на запад. Подписание пакта было, наверное, одним из немногих мудрых предвоенных действий правительства СССР по защите национальных интересов. Хотя ситуация была исключительно неблагоприятной, и иного выхода не существовало.

Илл. 11. Колонна советских броневиков, направляющихся на свои новые базы после заключения соглашения о взаимопомощи между СССР и Эстонией, 18 октября 1939 г.

9 сентября 1939 года, то есть через восемь дней после нападения Гитлера на Польшу и начала Второй мировой войны, на имя посланника Эстонии в Москве А. Рея была составлена нота МИД СССР о намерении сохранять по отношению к Эстонии политику нейтралитета, несмотря на фактическое её сотрудничество с гитлеровской Германией. Отметка о принятии письма была проставлена посольством Эстонии 17 сентября 1939 года. Однако уже к 20-м числам сентября стало ясно, что Польша уже фактически разгромлена и что Гитлер выходит к границам Прибалтийских государств. Это создавало *реальную угрозу* вторжения в СССР после неминуемого и скоротечного последующего захвата территорий пограничных с Россией Прибалтийских государств.

С Эстонией России было необходимо *срочно* добиться договорённости о мерах по обеспечению *собственной* безопасности западных границ. Однако эстонская буржуазия от этого отреклась как чёрт от лаdana. Но тут уж было не до реверансов. Такая договорённость (пакт) была достигнута уже 28 сентября 1939 года. Эстония благоразумно поступилась своим суверенитетом в пользу СССР, а не Германии, так как её суверенитет был бы нарушен *Германией* с огромной долей вероятности, как то и происходило с Польшей и Чехословакией.

По пакту между Эстонией и СССР обе стороны обязались принять меры по предотвращению внешней агрессии. Кроме того, было предусмотрено создание военных баз для защиты Эстонии. Стороны договорились не принимать участия в союзах, направленных против другой стороны. Аналогичные договорённости были достигнуты СССР с Латвией и Литвой. В октябре 1939 года в Эстонию были введены воинские части Красной армии (илл.11), военно-морской флот

вошёл в порты Палдиски и Таллина, *отсрочив начало* Великой Отечественной войны почти на два года.

Войска, находившиеся в Эстонии, сдерживали агрессию Германии. При этом внутренние события принимали для правительства Ю. Улуотса неблагоприятный оборот, во многом усугубляемый самим правительством, которое продолжало сотрудничать с гитлеровской Германией, нарушая положения пакта. А между тем, ситуация становилась серьёзной не на шутку. Гитлер в июле 1940 года напал на Бельгию, Голландию, Францию, захватил Данию и Норвегию. На этом фоне правительство Улуотса, в нарушение договора с СССР от 28 сентября 1939 года, фактически встав на сторону «сильного», то есть на сторону Германии, стало готовиться к войне с СССР.

В начале июня 1940 года от имени правительства Эстонии был послан запрос о возможности получения от Германии *военной помощи*. Другими словами,

Илл. 12. Вступление советских войск на эстонско-советскую границу. 1939 г.

Эстония фактически нарушала договорённость от 28 сентября 1939 года. Германия естественно ответила отказом, так как договор о ненападении она заключила с СССР в связи с собственной неподготовленностью. Ссылки «историков» на приказ Генштаба СССР № 02622 от 9 июня 1940 года, в котором речь шла якобы о нападении на Эстонию, лишены смысла, так как войска Красной армии, как отмечено выше, *уже находились* на территории Эстонии с октября 1939 года. 14 июня 1940 года начался ввод в Эстонию *дополнительных* воинских частей численностью примерно 100 000 военнослужащих, соответствующей серьёзности сложившейся ситуации (илл.12). На ввод дополнительного контингента было *получено устное согласие* правительства, хотя этот ввод сил и не был формально оформлен, и правительство Улуотса «отбрыкивалось».

Позиции правительства Улуотса были шаткими ввиду открытого недовольства самих эстонцев. А президент Пятс медлил с формированием нового правительства. 17-18 июня 1940 года в Таллине начались митинги и забастовки с требованием отставки правительства Улуотса и формирования нового правительства, которое бы выполняло положения пакта с СССР от 28 сентября 1939 года. 20 июня на подпольном заседании Коммунистической партии Эстонии было принято решение о *смене* правительства Улуотса. «Историки» в этой связи утверждают, что в это же время в Таллин прибыл специальный представитель советского правительства А. Жданов и приступил к формированию нового «незаконного» правительства Эстонии. Маловероятно, что по чужой воле, насильственно, за несколько июньских дней можно было уговорить взрослых, серьёзных, опытных эстонцев стать «марионетками» Кремля.

Скорее всего, это был осознанный выбор самих шестнадцати сознательных эстонцев во главе с Йоханнесом Варесом (илл.13). Неубедительны аргументы «историков» о том, что агент советской разведки М.Унт организовал массовые выступления жителей Эстонии 21 июня 1940 года против правительства Улуотса в различных частях Эстонии: в Таллине, Тарту, Валга, Кохтла-Ярве и др. К «могущественному» советскому агенту, по их версии, присоединились криминальные элементы, выпущенные из тюрем, которые при содействии советских войск водрузили на башне Длинный Герман на Тоомпеа красный флаг.

Говоря о роли советских войск и воздействии СССР на попытки смещения последнего буржуазного правительства, следует отметить, что присутствие советских войск естественно оказывало на эстонцев влияние. Но большинство наблюдателей и сами «историки» признают объективную необходимость на тот момент смены правительства Улуотса *хотя бы* на другого буржуазного деятеля. Промедление президента Пятса в назначении нового премьера стоило должности *и ему*.

Сами эстонцы после массового митинга 21 июня 1940 года, проходившего в Таллине, под лозунгом «Долой правительство *провокаторов войны*» направились к КадрIORгскому дворцу – резиденции президента К. Пятса (дворец был построен русским царём Петром I в 1721 для своей жены Екатерины I) для вручения требования об отставке правительства. Президент с генералом Лайдонером с балкона дворца пытались увещевать демонстрантов, отказывая им в выполнении требований, но буржуазию уже никто не слушал. Вернувшись в город, демонстранты освободили политических заключённых, заняли резиденцию правительства – замок Тоомпеа. Вечером того же

Илл. 13. Правительство Иоханнеса Вареса. 21 июня 1940 г.

Илл. 14. Офицеры эстонского территориального корпуса дают присягу Советской армии. 1941 г.

дня правительство Улуотса было смещено, и создано новое во главе с премьер-министром И. Варесом, его заместителем стал Х. Круус. Новое правительство немедленно издало постановление, в котором *гарантировало* выполнение условий пакта, заключённого с СССР. Так произошла бескровная революция в Эстонии. 21 июля в Таллине собралась Государственная дума и приняла декларацию о государственной власти в Эстонии. В Эстонии была установлена *советская* власть. 22 июля Государственной думой была принята декларация о вступлении Эстонской ССР (Союзной Социалистической Республики) в *Союз ССР* (илл.14).

В 1940-1941-м годах были национализированы (это обычная практика во многих странах на определённых этапах развития государства и экономики) 900 промышленных и 400 крупных торговых предприятий. У землевладельцев, в чьей собственности было более 30 гектаров земли, урезали излишки, из которых был сформирован земельный фонд. Из этого фонда пятидесяти тысячам батраков, мало-земельным и безземельным крестьянам было выделено 550 000 гектаров земли. Эти меры были осуществлены правительством эстонцев, возглавляемым И. Лауристином, однако ненависть собственников естественно была направлена против «*вдохновителей национализации*» – *русских*, которые своим примером сбивали с «истинного пути» эстонского рабочего, крестьянина, мелкого торговца, интеллигента.

Лица, лишённые собственности и власти, начинают сопротивляться, участвуя в саботаже и диверсиях против новой власти. Эти действия вызывают со стороны советской власти понятный и не двусмысленный ответ: в 1941 году из Эстонии было депортировано около 10 000 человек. По данным немецких

Илл. 15. Эстонцы, солдаты запаса Советской армии, мобилизованные в Эстонии, на улицах Ленинграда по пути в воинские части. Август 1941 г.

архивов, депортации подверглись около 6 000 лиц, связанных с Германией, в том числе с немецкой разведкой. Это не могло не вызвать неприязнь к русским со стороны имущих эстонцев. Однако стоит отметить, что в 30-х годах XX века в отношении представителей некоторых народов в СССР подобные меры уже проводились, но в *несравнимо* больших масштабах.

С конца 1940 года на территории Эстонской ССР при содействии германского абвера (военной разведки) формируются группы «лесных братьев», или подпольных военизированных формирований, состоящих в основном из лиц, лишённых *излишков* земли или имущества. При этом «лесные братья» добывали оружие путём нападения на бойцов истребительных батальонов, которые формировались преимущественно из эстонцев. Другими словами, нападали они на своих *соотечественников*.

С началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года «лесные братья» активизировались (илл.15). В Финляндии абвером из лиц эстонской

национальности была сформирована разведгруппа «Эрна», которую перебросили в Эстонию. «Эрна» осуществляла диверсии в тылу Красной армии и координировала действия разрозненных групп диверсантов. Всё было направлено для оказания помощи германскому вермахту (частям немецких сухопутных войск) в захвате населённых пунктов на территории Эстонии. Так, например 10 июля 1941 года, «лесные братья» облегчили немецким войскам вход в Тарту. Тем не менее, даже такая активная помощь эстонских националистов не помогла убедить немцев быть более лояльными по отношению к эстонской государственности.

Дело в том, что практически сразу же после вторжения немцев на территорию Эстонской ССР низложенное правительство Улуотса обратилось к германским официальным лицам с наивной просьбой восстановить президентскую власть в Эстонии на основе правопреемства, то есть по состоянию на момент её смещения 21 июня 1940 года. Немцы отнеслись к этому эмоциональному призыву довольно оригинально. Они проигнорировали просьбу лояльных к немцам эстонцев во главе с Улуотсом, организовав из других, по их мнению, более лояльных, прогермански настроенных вапсов, администрацию. Новая эстонская администрация с ироничным названием «Самоуправление Эстонии» полностью подчинялась немецкой оккупационной власти. К своему удивлению, по словам «историков», элита отметила, что «цивилизованные» немцы, занимая города Эстонии, стали сжигать книги и убивать евреев. Но даже это в них не вызывает такой неприязни, как возможное присутствие *русских*.

Помогая немцам взять Тарту, эстонские «повстанцы» надеялись на их объективность. Они мечтали о том, что в знак благодарности за помощь в захвате

эстонских городов могли бы подарить Эстонии независимость. Помогая немецким частям взять Таллин 28 августа 1941 года, они на это слабо, но всё ещё надеялись. Однако эстонский сине-чёрно-белый триколор, водруженный на башне Длинный Герман на Тоомпеа, уже 29 августа был заменён знаменем одной из частей «победоносного» вермахта. Элита смирилась с этим фактом и начала своё планомерное *сотрудничество с немцами вплоть до 1944 года*.

«Историки» признают, что в первый год оккупации были арестованы 18 893 человека, большинство из которых коммунисты и их сторонники. Были расстреляны бойцы истребительных батальонов, противостоящих «лесным братьям», значительная часть которых, надо полагать – это лица эстонской национальности. 5 634 человека были замучены сразу, остальные отправлены в концентрационные лагеря. В момент массовых арестов и экзекуций *эстонцев* на оккупированной немцами территории к февралю 1942 года на советско-германском фронте за *интерес немецкого Рейха* сражались 20 867 эстонских добровольцев, многие из которых сгинули за германский интерес, не понимая сути происходившего.

В период немецкой оккупации в Эстонии немцами совместно с «Самоуправлением Эстонии», маарионеточной администрацией, возглавляемой Х.Мяэ, бывшим «вапсом», и военизированными формированиями «Омакайтсе» («Самозащита»), состоящими из бывших «повстанцев», было уничтожено около 60 000 эстонцев и 64 000 советских военнопленных. То есть элита, по сути, была свидетелем того, как эстонцы уничтожали представителей собственного народа.

С началом немецкой оккупации Эстонии начинается полная абракадабра, порой доходящая до абсурда, свидетельствующая о полной потере элитой

реализма и даже здравого смысла. Представьте ситуацию, при которой эстонцы по призыву элиты воюют на советско-германском фронте против *русских*. В это же самое время элита бросает клич: «Эстонские мужчины – в Финляндию!», чтобы, как объясняют «историки», немцы не смогли мобилизовать *слишком* много эстонцев в Эстонский легион «Ваффен СС». В конечном итоге из эстонцев, сбежавших в Финляндию и не вступивших в войска «СС», формируется 200-ый пехотный полк, который всё равно воюет на советско-германском фронте против *русских*. Такой компот: бойкотировать вступление эстонцев в войска «Ваффен СС», чтобы они *всё равно* воевали против русских в составе 200-го пехотного полка. Такие «кульбиты» эстонских националистов встречаются на каждом шагу, а их оправдание вызывает, по меньшей мере, удивление и недоумение.

Илл. 16. Офицеры штаба 7 дивизии Эстонского стрелкового корпуса. 1944 г.

«Рабочее сотрудничество» с немцами продолжалось и тогда, когда стало ясно, что Германия войну проиграла. Но приязнь к немцам была такова, что батальон «Нарва» заставили в составе немецких частей освобождать от русских даже Украину. Там в ключевых боях за Невель, по словам «историков», немецким командованием была отмечена (гордость не скрывается) 3-я Эстонская бригада СС (позднее 20-я Эстонская дивизия СС).

И в тот самый момент, когда сыны Эстонии не щадили жизни в борьбе за свободу Украины, «отщепенцы» из Эстонского стрелкового корпуса, насильственно завербованные НКВД из несчастных, угнанных в Сибирь, воевали на стороне своего врага. Но даже в «отщепенцах», по словам всё тех же историков, проснулась совесть: они не стали воевать за Россию, а под Великими Луками перешли на сторону немцев.

Здесь требуется разъяснение. Для подтверждения своей идеи «историки» используют известные сведения о формировании Эстонского стрелкового корпуса, который был сформирован 25 сентября 1942 года на Урале под командованием генерал-лейтенанта Л. Пярна (илл.16). Боевое крещение корпус получил в боях за город Великие Луки (Псковская область) в конце 1942 – начале 1943 года (илл.17). Город, имевший стратегическое значение, будучи важным железнодорожным узлом, даже не смотря на вполне надёжное укрепление, был взят с пленением начальника гарнизона фон Засса, *землевладельца* из Эстонии. Это *факты*. Ну, а всё остальное – это уже вариации «историков» на заданную кем-то (догадайтесь, кем) тему (см. 1-ю страницу обложки).

В конце 1943 года, по информации «историков», националисты объявили о всеобщей мобилизации на советско-германский фронт. Все с таким рвением

Илл. 17. Эстонский стрелковый корпус под Нарвой. 1944 г.

стремились остановить Красную армию, что, вместо ожидаемых 15 000 мужчин на сборные пункты к 21 февраля 1944 года явились аж 32 000! Естественно, что в Германии к этому моменту наблюдался дефицит «пушечного мяса», поэтому в ход пошёл «гитлер-югенд» (дети до 16 лет) и «фольксштурм» (для тех, кому за 60), и немцы были очень довольны. К середине 1944 года (надо сказать, исторические факты шокирует, а не умиляют) в рядах германской армии было уже почти 70 000 эстонцев, то есть примерно каждый десятый житель Эстонии, включая женщин, детей и стариков. Да, это должно впечатлять читателя, да вот беда, по неоправдавшейся задумке «историков», эффект оказался обратным.

В связи с этим нельзя не отметить, что если даже в живых осталась половина из этих 70 000, то, возможно, более половины всего бюджета современной Эстонской республики пойдёт на социальные выпла-

ты ветеранам движения за независимость, воевавшим на стороне фашистской Германии, и, возможно, даже их родственникам (приличная сумма, знаете ли...) Той самой Германии, которая предусматривала превращение Прибалтики в часть великой Германии путём «германизации». В дальнейшем предполагалось большую часть эстонцев переселить в Архангельские земли или на территорию Карелии. Ещё в 1939 году Гитлер ясно выразился, что немецкие бароны, господствующие в Прибалтике, совершили большую ошибку, не истребив латышский и эстонский народы.

Гитлер планировал уничтожить эстонцев, а солдаты 658-го и 659-го эстонских восточных батальонов, если верить современным эстонским «историкам», практически в одиночку срывали наступление советских войск на нарвском фронте 1 марта 1944 года.

24 июля советская армия якобы отступала под Нарвой в результате героических усилий 45 эстонского полка, составлявшего самую боеспособную часть в составе германского вермахта. Несмотря на героические усилия Нарва 26 июля (уже через сутки) была захвачена Красной армией. Да, два дня много что значат для истории.

Далее мы узнаём, что 29 июля 1-й батальон 45 полка опять «оттеснил советских солдат». Перед вышешностью Синимаэ под Нарвой были подбиты 113 советских танков. Оборону русским так и не удалось прорвать. Аж дух захватывает.

А 22 сентября (то есть менее чем через два месяца после этого) советская армия освобождает Таллин. То есть русские Синимаяэ не взяли, а Таллин всё-таки захватили. Неувязочка, господа «историки».

Тут же выясняется, что оборонять Нарву не было особой необходимости, так как советская армия нанесла удар в обход с юга Эстонии на Тарту. Так что же,

немцы просто развлекались, подставляя 45-й полк на заведомо ненужном направлении?

Здесь же выясняется, что эстонские батальоны подчинялись *даже* не немцам, а оперативной группе голландской добровольческой бригады СС «Недерланд», составленной из голландских коллаборационистов.

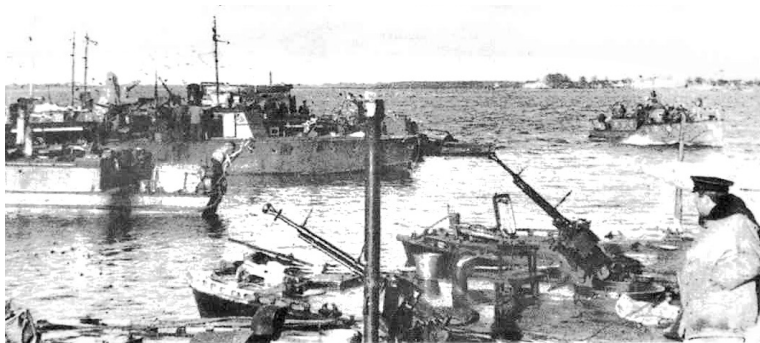
Ингредиентом в «винегрете» частей, понесших основное бремя тягот обороны, стал батальон добровольцев «Валлония», также сформированный из немногочисленных сторонников Гитлера во Франции, чей моральный дух, как и дух эстонских батальонов самообороны, был весьма низок, как отмечают сами «историки». Хотя Леон Дегрель, командир батальона «Валлония», первым из «иностранцев» был удостоен дубовых листьев к рыцарскому кресту, дополнением к этому, надо полагать, стал сосновый кресту на кладбищенском погосте.

К 25 августа 1944 года юг Эстонии уже под контролем Красной армии. Обозы беженцев движутся на северо-запад. И вдруг возникает шальная мысль! «Может, повторить сценарий 1918 года, когда на помощь была призвана английская эскадра боевых кораблей? А пока вызовем-ка «финских парней», – предложил Национальный комитет. – Они остановят русских до прибытия английской эскадры» (Нужно сказать, что Национальный комитет, начавший свою деятельность в связи с ослаблением немцев в результате побед Красной армии, был в подполье и существовал параллельно с эстонской администрацией, созданной немцами. Его возглавлял небезызвестный Улуотс, которого поддерживали англичане, в противовес немецкому и советскому влиянию. Собственно, всё что ни делали англичане, в том числе и открытие Второго фронта в Нормандии (Франция) в 1944 году, во все времена создавалось и существовало в противовес немецкому, а позднее и советскому влиянию).

К тому времени Финляндия уже капитулировала и отпустила «финских парней» (они же эстонские парни, воевавшие на стороне вермахта) по домам, обратно в Эстонию. *Тех, кто хотел.* Но без оружия. Захотели вернуться домой (но не воевать!) 1 752 эстонско-финских парня. В Финляндии осталось 236 бывших солдат вермахта – граждан Эстонии.

Так начиналась новая «освободительная» война. Из тех, кто прибыл из страны Суоми, удалось сформировать всего один батальон (а где же все те 32 тысячи добровольцев, кто был мобилизован элитой к 21 февраля 1944 года?). 20 августа батальон перебросили вместе с 37-м и 38-м полицейскими батальонами для разгрома крыла Советской армии у деревни Вольди. К 28 августа крыло Красной армии было разбито и отброшено к реке Эмайыги. Были разгромлены две дивизии Красной армии! *Неплохо придумано.* Не зря, значит, тысяча «финских парней» высадилась в Палдиски.

Однако, несмотря на жест отчаяния «финских парней», к началу сентября 1944 года положение германской группы «Норд» становится практически без-

Илл. 18. А. Свердлов (1912-1991), Герой Советского Союза, командир отряда торпедных катеров Балтийского флота. Порт в Виртсу. Перед высадкой десанта на остров Сааремаа. 16 октября 1944 г.

надёжным (илл.18). Союзник немцев – Финляндия ко 2 сентября окончательно вышла из игры. А 16 сентября командующий группы генерал Шредер, с благословения Гудериана, опасаясь полного окружения и последующего разгрома, дал приказ к полномасштабному бегству из Эстонии. Отход прикрывали несчастные эстонцы. Был полностью уничтожен первый Эстонский пограничный полк (внимание!) частями Эстонского стрелкового корпуса, *наси́льно сформированного из угнанных в Сибирь эстонских мужчин*. Советские солдаты-эстонцы, по словам «историков», зверски расправлялись с солдатами буржуазной Эстонии. «Раненые братья по языку, *сражавшиеся в немецком мундире*», были убиты в Поркуни на поле битвы, а те, кому удалось выжить тогда, были добиты в церкви в Авинурми. Этаким зверский оскал коммунизма.

К сентябрю 1944 года немцы для Национального комитета уже не актуальны, это уже отыгранная и битая карта, на их место заступают англичане. Завязывается новая интрижка с объявлением независимости.

18 сентября 1944 года Ю. Улуотс, исполнявший, по его словам, обязанности президента в 1941-44-м годах, назначает новое правительство во главе с О. Тиефом. На первом собрании 19 сентября, был распущен временный Национальный комитет. Отряд самообороны под командованием адмирала Й. Питки, по словам «историков», не дал немцам, отступающим из Таллина, взорвать город. Эстонская элита объявила себя *нейтральной стороной* и обратилась за помощью к англичанам, чем героически завязала «бои» со своими бывшими союзниками, – немцами, эвакуации которых из порта они всё-таки *не препятствовали*. Странная война, как всегда. Как результат, 20 сентября на башню Длинный Герман на Тоомпеа водру-

жён национальный эстонский флаг. Как говорится: Чик-трак, мы в домике. Не трогайте нас, мы уже нейтральные.

Но эстонские части, которые ещё не были разгромлены, продолжали воевать на советско-германском фронте. В это самое время они отступают себе с боями с немецкими частями в сторону Латвии. Как же так? Высшее командование объявляет себя нейтральным одновременно с арьергардными боями эстонских частей на стороне немцев.

А знаете, почему они продолжали воевать на стороне вермахта? Просто (как объясняют господа «историки») у правительства не было достаточных воинских сил для защиты Таллина от русских. И они всё ещё надеялись в этом вопросе на немцев. У адмирала Питки, видите ли, кроме отряда самообороны других воинских частей не было. К 23 сентября члены правительства Тиефа всё-таки «рванули» на западное побережье к деревне Пыгари, где их надо полагать, ждали суда для эвакуации в Англию. Ну, здесь всё понятно.

Не понятна только логика командиров брошенных эстонских частей, которые продолжали оказывать сопротивление (надо полагать русским?). *В то же время* они ввязывались в столкновения и с немецкими частями, которые, надо полагать, также были брошены своим командованием. Например, памятно боестолкновение, что произошло 22 сентября 1944 года под Хаапсалу, которое закончилось уничтожением эстонских солдат немецкими частями СС. Одновременно с этим казусом вполне логично выглядит то, что резервный полк Эстонской дивизии в Клоога готовился дать отпор Советской армии. Ну тут даже самим эстонским «историкам» не разобраться в таком переплёте.

Меж тем логика проста: эстонским солдатам приказали прикрыть отход на Запад тем немногим имуществом, которые впоследствии, вернувшись после распада СССР, вероятно и стали определять политику Эстонии после 1991 года. На немецких кораблях ушли 20 418 гражданских лиц, скорее всего, элита буржуазной Эстонии. Не ясна судьба председателя правительства О. Тиефа. Судно для его спасения было прислано слишком поздно. Некоторые оставшиеся в Эстонии члены правительства были расстреляны.

А из эстонских солдат (как с гуся вода), отступивших с немцами, немцами же в агонии была сформирована 20-я дивизия СС. Финал их печален: часть бедных эстонцев расстреляли чешские партизаны в мае 1945 года, часть были переданы чехами советскому командованию с известными последствиями.

Читая эти строки, невольно задаёшься вопросом. Ради чего погибли 30 000 эстонцев, сражаясь в рядах немецко-фашистских войск? Возможно, кто-то боролся за деньги, потерянные в виде конфискованного имущества. Но большинство, вероятно, всё-таки так до конца и не поняли, за что. Эстонские «историки» считают, что смерть их не напрасна, так как они дали уйти тем, кто в 1991 поднял знамя борьбы против «оккупантов», то есть русских. Сомнительно, что именно таковым было мнение простого люда рядового и сержантского состава (илл.19).

А эстонцы продемонстрировали истинный героизм во время Второй мировой войны (илл. 20). Их, ныне забытые, имена стоит упомянуть ради объективности повествования. Это младший лейтенант А. Каристе, ловивший, как жонглёр, немецкие гранаты, прилетавшие в окоп, и бросавший их обратно в немцев в сражении под Великими Луками. Это и эстонская разведчица Х. Кульман, погибшая в застенках

Илл. 19. Запись молодых эстонцев в Советскую Армию, 1944 г.

Илл. 20. Командир 249-й стрелковой дивизии Эстонского стрелкового корпуса, генерал-майор Й. Ломбак награждает бойцов подразделения под командованием лейтенанта Э. Костаби.

гестапо. Это и Я. Кундер, закрывший собой 17 марта 1945 года амбразуру вражеского дзота. Всего свыше 20 000 «насильственно» сражавшихся в Эстонском стрелковом корпусе бойцов были награждены орденами и медалями. Эстонские партизаны за годы

Илл. 21. Таллин приветствует солдат Эстонского стрелкового корпуса. 22 сентября 1944 г.

войны уничтожили около 3600 гитлеровцев и много военной техники. Моторизованный отряд из состава Эстонского стрелкового корпуса, покрыв за ночь расстояние в 120 километров, на рассвете 22 сентября 1944 года завязал бой на подступах к Таллину и к 10 часам утра достиг полуострова Копли и таллинского порта. Город был захвачен как раз вовремя – немцы заминировали 75 объектов. Вооружённые эстонцы не дали взорвать электростанцию, которая переходила из рук в руки четыре раза. И вполне логично выглядит итог: тогда как к 23 сентября правительство Эстонии было в районе деревни Пыгари, готовое к отплытию из собственной страны, утром 22 сентября 1944 года эстонец лейтенант Лумисте водрузил знамя на башне «Длинный Герман» в Таллине (илл.21).

Итак, в 1944 году началась новая, по словам эстонских «историков», «советская оккупация, кровавый террор, жертвой которого стали десятки тысяч человек». Что это за цифра и откуда взялась,

не известно. Возможно, имеется в виду депортация, 20 000 человек в страшную Сибирь. Но это была высылка какого-то определённого числа людей, а не кровавый террор – термин, который подразумевает массовые убийства. Здесь опять мы находим ответ на вопрос, почему местная элита не любит русских. Русские ассоциируются с отъёмом земли и скота у зажиточных или имущих хозяев. Но таких имущих в Эстонии было в 1949 году процентов 5-6, а все остальные были неимущими.

Эстонские «историки» не говорят о разрушениях, оставленных немцами, но ссылаются на бомбардировку Таллина 9 марта 1944 года Красной армией, в результате которой было якобы разрушено 40 % города, погибли 500 человек и лишились крова 25 000 человек, называя это террористическим нападением, забывая, что в тот момент шла Вторая мировая война, Таллин был оккупирован немцами, а часть эстонцев воевала на стороне Гитлера. Но это, как обычно, останется за кадром.

Следует отметить, что результатом немецкой оккупации явилось разрушение по всей Эстонии примерно 10 000 зданий, и затопление сланцевых шахт. Многие предприятия были просто разграблены. Большинство электростанций взорваны, а оборудование вывезено в Германию.

Землю у имущих после войны не отбирали полностью, а оставляли в личном пользовании владельцев хуторов по 5-7 гектаров (заметим, что урезали тех, кто сотрудничал с немцами). К 1947 году землю и прирезки получили как безземельные крестьяне, так и крестьяне, имевшие нищенские наделы, всего более 42 000 крестьян. Когда в 1940 году проходила земельная реформа, у тех собственников, у которых было свыше 30 гектаров земли, излишки сверх 30 га передавали в

земельный фонд. Из этого фонда 50 000 батраков, безземельным и малоземельным крестьянам выделили 550 000 гектаров земли, которые впоследствии были у них конфискованы немцами. В 1947 году было восстановлено положение, существовавшее в 1940 году, при этом были ущемлены права собственников, *сотрудничавших с немцами*. Зачем же раздувать ненависть эстонцев по этому поводу по отношению к русским? Сотрудничество с нацизмом ни в одной стране вроде до сих пор не приветствуется.

Отдельная страница истории – это ненависть к русским из-за преследований ими «лесных братьев», или лиц, которые не согласились с урезанием своих земельных прав и, взяв в руки немецкий шмайссер, стали пулять из леса по своим же. Но что поделать, если большинство крестьян были неимущими, и им с экономической точки зрения было выгоднее вести хозяйство сообща. Это ведь как при капитализме: чем крупнее сельскохозяйственное предприятие, тем оно конкурентоспособнее. Поняв свою выгоду, уже весной 1949 года в сельскохозяйственные артели объединились около 80 % эстонских крестьян. И вряд ли это объединение происходило под давлением, иначе как объяснить такое количество согласившихся.

Конечно, «лесным братьям» было обидно, что их не поддерживало большинство эстонцев. Кроме того, они готовы были всё это бросить и выйти из леса, но страх перед ответственностью за старые грехи сотрудничества некоторых из них с немцами не позволял им бросить оружие. Они были в двойном капкане. Их можно только пожалеть.

Но при чём тут русские? В Эстонии правящей элитой после 1944 года стали эстонцы, 90 % всех руководящих должностей в Эстонской ССР были у титульной нации, хотя пропорционально число эстон-

цев там снизилось снизилось с 90 до 60 % к концу 80-х годов. Это правда, но при чём же здесь колонизация? В Западной Европе и сейчас происходит приток рабочей силы из менее развитых стран, кстати, и за счёт эстонцев, которые выполняют в большей степени неквалифицированную работу в Великобритании или Ирландии. Так и русские, приезжавшие в Эстонию, выполняли в основном непрестижную работу, работая в основном на промышленных предприятиях.

Можно по-детски возражать, что Эстонии предприятия были не нужны и что строили их специально для того, чтобы заселить Таллин *русскоязычными* оккупантами. Но тогда в 60-70 годах развитие промышленности было приоритетным направлением в политике не только СССР, но и Германии, Великобритании, США. Так что Эстония в то время развивалась в ногу со временем, а не исключительно с целью «колонизации». А ещё русские просто хотели помочь в развитии дружественному народу.

Много воды с тех пор утекло, а русских всё продолжают ненавидеть. Наверное, за то, что они не так поражены (были) вирусом стяжательства, накопительства и *жажды наживы* и не относились к собственности как к священной корове. Русских ненавидят и в других странах Европы именно за их «бесчувственное» отношение к деньгам, это всегда и называлось русским духом, который все стремились уничтожить. Всё правильно, деньги правят миром, и тот сильнее, у кого их больше. А правильно ли? Деньгами можно подкупить, но если ты к ним более или менее равнодушен, то как же с тобой сладить? А никак, просто не получится.

Да, только время даст ответ на все вопросы, кто прав, а кто неправ. И как сказал один из героев российского кинематографа: «В чем сила, брат, в деньгах?». Нет, сила, наверное, всё же в правде.

Литературно-художественное издание

Гуннар Пярн

**Эстония:
почему местная элита ненавидит русских**

Фотографии на обложке

Первая полоса:

13 марта 1995 года. Вице-президент США Гор выбросил руку в приветствии. Справа от него Леннарт Мери, президент Эстонии.

Вторая полоса:

1984 год. 40-я годовщина освобождения Эстонии от фашистских захватчиков. На бронетранспортёре Герой Советского Союза Арнольд Мери, брат президента Эстонии Леннарта Мери. На заднем плане плакат «Никто не забыт, ничто не забыто».

Четвёртая полоса:

М.Лаар изучает пистолет-пулемёт западного образца.

Данная книга является полемическим монологом и основана на фактах, изложенных в книгах историка Марта Лаара «История Эстонии с птичьего полёта» и «Эстония во второй мировой войне».

